

INSPIRIA

СЬЮЗЕН УОЛТЕР

Наследство, которое приходит с предупреждением:
«То, что вы сейчас прочтете, вас потрясет, поэтому
позвольте мне подготовить вас...»

ЧЕРЕЗ
ЕЕ ТРУП

INSPIRIA

Ток. Мировые хиты

Сьюзен Уолтер

Через ее труп

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уолтер С.

Через ее труп / С. Уолтер — «Эксмо», 2022 — (Ток. Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-195610-3

ИНСАЙДЕРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР, ВСКРЫВАЮЩИЙ ВСЮ ПОДНОГОТНУЮ ГОЛЛИВУДА, ОТ КИНОРЕЖИССЕРА И АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА AMAZON Наследство, которое приходит с предупреждением: «То, что вы сейчас прочтете, вас потрясет, поэтому позвольте мне подготовить вас...» Жизнь Эшли Брукс далека от идеала. Начинающей актрисе тяжело пробиться в жестоком Голливуде, поэтому приходится хвататься за любую работу. Но однажды удача улыбается ей, и судьба в лице сбежавшего пса приводит ее прямо к порогу легендарного кастинг-агента на пенсии Луизы Джордж. Еще большей удачей оказывается то, что у Луизы есть идеальная роль для Эшли. Только девушка не успевает отблагодарить свою спасительницу, потому что та внезапно умирает... К всеобщему удивлению, Луиза оставила все свое огромное состояние именно Эшли. И пока девушка недоумевает, как такое возможно, взрослые дети Луизы готовы на все, чтобы миллионы их матери не достались незнакомке. Чем сильнее Эшли погружается в противостояние с законными наследниками, тем отчетливее она понимает: все, включая умершую, скрывают жуткие секреты. У начинающей актрисы осталось не так много времени, чтобы выяснить правду, прежде чем еще кто-нибудь умрет. «"Через ее труп" — захватывающее психологическое путешествие, которое переносит нас в мир Голливуда и семью с глубоко запрятанными секретами. Сьюзен Уолтер — мастерский рассказчик с инсайдерским взглядом на кинобизнес, и ее роман полон опасностей и блестящего понимания надежд и мечтаний начинающей актрисы. Я прочитала его за один присест, разгадывая сюжет, и осталась под впечатлением от концовки». — Луанн Райс, автор бестселлеров New York Times «Дьявольски веселый сюжет, полный эксцентричных персонажей и неожиданных поворотов; "Через ее труп" заставит вас переворачивать страницы, приоткрывая занавес над Голливудом с точки зрения начинающей

актрисы, оказавшейся втянутой в мрачно-комедийную тайну. Очень здорово!»
— Бен Мезрич, автор бестселлеров New York Times «"Через ее труп" —
детектив с большим количеством перипетий, чем на американских горках,
где полно секретов и все не то, чем кажется. Если вы ищете книгу, которая
заставит вас перелистывать страницы до глубокой ночи, то Сьюзен Уолтер
написала именно такую». — Барбара Дэвис, автор бестселлеров «Последняя
из Лунных Дев» и «Когда наступит никогда»

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-195610-3

© Уолтер С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть 1. До. Эшли и Луиза	7
Глава 1. Эшли	7
Глава 2. Луиза	10
Глава 3. Эшли	13
Глава 4. Луиза	15
Глава 5. Эшли	18
Глава 6. Луиза	20
Глава 7. Эшли	23
Глава 8. Луиза	26
Глава 9. Эшли	28
Глава 10. Луиза	31
Часть 2. До. Нейтан и Джордан	34
Глава 11. Нейтан	34
Глава 12. Джордан	37
Глава 13. Нейтан	39
Глава 14. Джордан	42
Глава 15. Нейтан	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сьюзен Уолтер Через ее труп

Susan Walter
Over Her Dead Body

© Susan Walter, 2022

© Рокачевская Н. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Жестокость проистекает от слабости.
Луций Анней Сенека*

То, что вы сейчас прочтете, вас потрясет, поэтому позвольте мне подготовить вас. Я знаю, чего вы ожидаете, но решила не давать вам этого. И не стану извиняться. Ваши ожидания – ваше личное дело, как и все решения, которые принимаются в течение жизни: помочь или отвернуться, отдать или забрать, бежать или сражаться, копить или жертвовать. В своем завещании я воспользуюсь возможностью проявить щедрость. Но такая возможность была и у вас.

Этот документ отражает мою волю, без какого-либо принуждения или манипуляций со стороны указанных ниже лиц. Он не был написан под влиянием каприза или со злым умыслом. Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

Я не могу ответить на ваши возражения, поэтому оставьте их при себе. Ваши дальнейшие действия зависят от вас. Действуйте мудро.

Л. Дж.

Часть 1. До. Эшли и Луиза

Глава 1. Эшли

– А можете посексуальнее? – попросил директор по подбору актеров, сидящий за длинным прямоугольным столом, разделяющим мечтателей и тех, кто убивает мечты.

Мы находились в перегороженном бальном зале отеля «Шератон»... или в «Хайяте»? Не важно.

– Э-э-э... Конечно.

– Отлично!

Ассистент снова включил видеокамеру и указал на меня: мотор!

Я наклонила голову, сверкнула такой соблазнительной улыбкой, за которую в некоторых странах меня могли бы арестовать, и прочитала текст:

– Всегда рада тебя видеть, съесть обеды с твоего стола и согреть тебе постель холодной ночью. А теперь ты можешь поблагодарить свою собаку за то, что любит тебя так, как способны любить только собаки. Гав-гав-ням-ням!

Я подумывала изобразить поцелуй, но это была реклама корма для собак, не хотелось делать ее слишком сексуальной.

– Спасибо, – сказал главный убийца мечты, и на этом все кончилось.

Полтора часа ожидания ради пятнадцати минут унижения. Прекрасный рабочий день.

По пути к выходу я прошла мимо вереницы женщин, главным образом бывших школьных красавиц с блестящими волосами и ровными белыми зубами – все они ждали своих пятнадцати секунд. Шансов сняться в рекламе было меньше, чем сорвать джекпот в лотерее, но все мы пришли сюда, зараженные актерским энтузиазмом, самым трагическим симптомом которого (помимо напрасно растроченной жизни) было разочарование родителей.

Пересекая парковку, я плотнее запахнула куртку на груди. Я протянула охраннику карточку – хорошо хоть студия заплатила за парковку! А потом поехала по сто первому шоссе домой. Октябрьские вечера в Сан-Фернандо, в окрестностях Лос-Анджелеса, обычно были прохладными и сухими, но висел необычный туман, его клочья клубились над крышами, как сигаретный дым. Было уже почти восемь, но пробки еще не рассосались. Да уж, это Лос-Анджелес.

Я остановилась перед домом и забрала с заднего сиденья сумку (расческа, косметика, смена белья, дезодорант, бутылка с водой, перекус). Всегда готова к прослушиванию! Когда я открыла дверь, на меня радостно прыгнул Брандо, мой энергичный золотистый ретривер.

– Привет, дружок. – Я нагнулась, чтобы его погладить.

Меня часто спрашивают, какой у меня пес. Мой заготовленный ответ: линияющий, потому что это единственное его качество, в котором я уверена. Если не пылесосить дважды в неделю, его шерсть превратится в ковер на ковре.

– Я его накормил, – сказал мой сосед по квартире Джордан, не вставая из-за кухонного стола.

– Спасибо.

– Как прослушивание?

– Сразила их наповал, – пошутила я, сбросив туфли и плюхнувшись на диван – его диван, кстати.

Вся мебель в гостиной принадлежала ему. Моим вкладом в обстановку бунгало с двумя спальнями было только мыло с приятным запахом, лежащее в ванной.

– А выглядишь измученной, – заметил он.

– Ну да, перед этим я отработала на дне рождения.

Помимо того, что я хожу на бессмысленные прослушивания, у меня есть еще куча бессмысленных профессий. Чаще всего я провожу экскурсии по Голливуду, но иногда по выходным роюсь в сундуке с костюмами, чтобы развлекать маленьких девочек на вечеринках в роли их любимой диснеевской принцессы. Этим утром я нацепила блондинистый парик, от которого зудит голова, и стала Золушкой для десятка вопящих пятилеток. Довольно унижительно сидеть за рулем классного «Мини-купера», нарядившись в принцессу, но мало кто из обладателей диплома по драматическому искусству и не имеющий полезных в реальной жизни навыков способен заработать три сотни баксов в час – во всяком случае, легальным способом.

– Мне выпустить его во двор? – спросил Джордан.

У нас имелся небольшой огороженный двор. Брандо нужно совсем немного места, чтобы размять лапы. Я могла просто позволить ему сделать свои дела на лужайке и убрать за ним утром, как обычно поступала, когда работала ночью или допоздна засиживалась с друзьями.

Я заглянула в полные надежды глаза пса. Я никак не могла знать, что прогулка с ним в тот вечер перевернет мою жизнь с ног на голову, поэтому поддалась чувству вины и встала с дивана.

– Нет, – вздохнула я. – Уже встаю.

Стоило мне скинуть ноги с дивана, как Брандо заскакал от радости. Собакам легко угодить – достаточно вывести их на улицу или впустить обратно и они целыми днями будут награждать вас слюнявыми поцелуями.

Я пошла в свою комнату переодеться. Мне нравилось жить в отдельном доме, а не в шумной квартире, куда постоянно кто-то приходит, но наш домишко видал и лучшие времена. Ковры были покрыты пятнами и истрепались по краям, и мы так и не починили разбитое окно, хотя обещали хозяину. Но я не жаловалась. Это место все равно было лучше того, которое я могла бы позволить себе в одиночку. Даже если б я сумела оплатить аренду, я жила бы в голых стенах – ни кастрюль со сковородками, ни посуды, ни кабельного телевидения, ни даже кресла, чтобы его смотреть. Я приехала в Лос-Анджелес с одной только одеждой, любимой подушкой да измусоленными томиками Станиславского и Уты Хаген. Я спала на раскладном диванчике, который семь лет назад купила уже подержанным по объявлению, и вся набивка сместилась к краям, так что он больше напоминал комковатое каноэ, чем кровать. Пора было обновить мебель, но почему-то к концу месяца мне едва хватало денег, чтобы внести свою часть арендной платы.

– Странная погода, – заметил Джордан, когда я появилась из своей комнаты в черном худи и леггинсах.

– Более чем, – согласилась я и натянула бейсболку, завершив образ ниндзя для прогулки с собакой.

Я жила вместе с Джорданом с тех пор, как мы переехали в Лос-Анджелес из Висконсина на следующее лето после выпуска из колледжа. Я – чтобы стать актрисой (воображаемая карьера), а он – чтобы поступить в медицинскую школу (реальная карьера). Не считая одного поцелуя спьяну, у нас не было романтических отношений, но мы прекрасно ладили, так хорошо, что однажды пошутили – если в тридцатник мы еще будем одиноки, то обязательно поженимся. Я-то уж точно считала это шуткой. Приближался мой тридцатый день рождения, а день рождения Джордана мы уже отпраздновали. Отважусь ли я заговаривать на эту тему?

Надевая кроссовки, я размышляла о своем долгом периоде безрыбья. Я уже давно не приглашала никого на ночь, и не из-за комковатого дивана. А Джордан не приводил домой девушку после инструкторши по йоге, которую считал «той самой», пока она не наставила ему рога на вечеринке в Хэллоуин, причем в буквальном смысле прямо у него на глазах. Это было почти год назад. Мы уже жили как семья – закупались оптом в «Костко», пили молоко из одной картонной упаковки, имели общий аккаунт в «Нетфликсе», только спали в разных ком-

натах. Пожалуй, мы были ближе друг другу, чем многие женатые пары, не считая, естественно, интимной стороны – у нас никогда не было секса.

Я посмотрела на своего соседа по дому, пока он печатал что-то на ноутбуке, сидя на нашей крохотной кухне. Он был безусловно привлекателен – смуглый, с глазами цвета меда. А я достаточно красива, чтобы его привлечь, даже пока он не выпил три «Маргариты». Так в чем же дело? Почему мы застряли в этом платоническом сосуществовании? Не хочет ли он все изменить? А я?

– Пока, Джордан. – Я пристегнула к ошейнику Брандо поводок.

Стоило мне выйти за дверь, как прическа тут же пришла в негодность. Я скучала по многому из жизни в Висконсине, но только не по удушающей влажности, в одно мгновение способной уничтожить укладку.

– Будь осторожна! – прокричал мне вслед Джордан.

Не думаю, что в его прощании было нечто зловещее. Люди постоянно говорят «будь осторожна», это все равно что сказать «пока» или «увидимся позже».

Но я актриса, а не кассирша в банке. Я не из тех, кто ведет себя осторожно.

Глава 2. Луиза

– Ты не обязана готовить мне ужин, – сказал мой племянник Нейтан, когда я вытащила из духовки запеченную форель и заглянула в ее тусклый черный глаз.

Некоторые люди не любят, когда на тарелке лежит мертвая рыбина целиком, видимо, ощущают себя убийцами, предпочитая обезличенную версию – филе, замаскированное лимонной подливкой. Но мне не было жаль рыбину; ведь ее вырастили для моего стола. Оказавшись у меня в духовке, она реализовала свой потенциал, чего не скажешь о большинстве людей.

– Если я не буду для тебя готовить, то кто тогда? – поддела я его, и племянник сердито уставился на меня.

– Я сам отлично готовлю, тетя Луиза, – ответил он, напомнив, что не любит стереотипные гендерные роли.

В этом отношении мы похожи. Когда люди узнают, что я богата, они неизбежно задают вопрос: «А чем занимается ваш муж?» Я с удовольствием смотрю, как краснеют их уши, когда отвечаю: «Он умер, так что особо ничем». А после обязательного «Ох, примите мои соболезнования» обычно следует какая-нибудь версия «А чем он занимался раньше?». Ведь все предполагают, что я разбогатела из-за него. Но это я зарабатывала на хлеб, а он обустроивал семейное гнездо. Я собиралась работать, пока меня не выкинут вон, а потом мы отправились бы путешествовать по миру, наслаждаясь плодами моего труда. Но его сердечный приступ, а впоследствии и мой диагноз разрушили эту мечту, и теперь я оказалась вдали от любимого пастбища, но с деньгами, так что мне нечем было заняться, кроме как смотреть на свой банковский баланс.

– Позволь мне сделать хотя бы это, пока могу, – произнесла я.

Мы ели из моего бесценного веджвудского голубого фарфора¹, ведь зачем его хранить, если не пользоваться? Несколько чашек поцарапались от жестокого прикосновения времени, впрочем, как и я, и думаю, нам неплохо удастся скрывать свои недуги.

Мне нравилось готовить для кого-то, но я мало кого могла выносить в течение целого ужина. Нейтан был редким исключением. Он был не только моим племянником, но и адвокатом. Я пригласила его на ужин под предлогом обсуждения каких-то документов. Конечно, он был слишком воспитан, чтобы заговорить об этом за ужином. Поэтому мы болтали о его романтических отношениях (почти не существующих), его работе (терпимо, но не слишком занимательно), моем саде (поглощенном плющом) и, конечно же, моих детях (всегда слишком занятых).

– Как там мой брат? – спросила я просто из вежливости.

Отец Нейтана – мой единственный брат, и я могла выносить его только в ограниченных дозах.

– Как обычно, – ответил Нейтан. – Каждый день встает на рассвете, чтобы присматривать за своей империей.

Он хохотнул над собственной шуткой. Мой брат занимался оптовой торговлей, говорить об этом было скучно до слез. Но он отправил четверых детей в колледж, и работа, похоже, ему нравилась. Пока я не слышу о последней поставке чего-то там куда-то еще, меня вполне устраивала его жизнь.

Я убрала тарелки и поставила на стол чайник, а Нейтан решил все-таки спросить о том, зачем я его вызвала.

¹ Веджвудский фарфор – уникальный английский фарфор, производимый с 1759 г.

– Ты упомянула, что хотела о чем-то со мной поговорить, – начал он, пока я ставила тарелку с покупным печеньем. Не люблю готовить, но мне нравится съесть кусочек сладкого после ужина, и это печенье – лучшее, что можно найти.

– Я собираюсь изменить завещание, – объявила я, садясь напротив него.

У меня был адвокат, занимавшийся имуществом, для составления завещания мне не нужна помощь Нейтана. И он, разумеется, смутился.

– Каким образом?

– Я тут размышляла о нем и решила, что оно не отражает мои желания, – уклонилась я от ответа.

Я понимала, что моя просьба натолкнется на сопротивление, и всячески постаралась ее смягчить.

– И ты просишь меня этим заняться? – спросил он.

– Нет, ты не сможешь.

– Почему?

Пришло время бросить первую бомбу.

– Потому что я оставлю все тебе.

Он открыл рот, собираясь возразить, но я успела первой:

– Я знаю, о чем ты думаешь, но я долго размышляла и решила, что это единственный путь.

Я надеялась, что он спросит: «Путь к чему?», но он не заглотил наживку.

– Луиза, если ты хочешь чаще видеть Винни и Чарли, просто скажи им об этом.

– С какой стати я буду заставлять детей чаще меня навещать? – Я фыркнула. – Им до меня рукой подать, просто отвратительно, что они никогда не приезжают.

– Потому что честолюбивы, пошли в мать.

– Пытаешься меня поддеть?

Нейтан прекрасно знал, что мои дети не пытаются сделать карьеру, это вызвало бы у меня уважение. Нет, они не приезжали ко мне из эгоизма, и дело не только в том, что у них не было времени. Я никогда не рассказывала Нейтану о том, в чем они мне отказали, – это было слишком печально, и они ему тоже наверняка не сообщили.

– Я тронут, что ты решила оставить все мне, – сказал племянник, – но не могу позволить тебе так поступить.

Я знала, о чем он думает. Если я оставлю все деньги племяннику, а не детям, вся родня взбесится. Против него ополчатся собственные братья и сестры. А еще больше – мои дети. Подадут в суд. Все возненавидят друг друга. Это так, но в этом и смысл.

– Почему дети считают, что они получают все заработанное родителями? Они ведь не сделали ничего, чтобы это заслужить. И они уже имели возможность наслаждаться богатством, так почему бы не дать ее другому члену семьи? Я терпеть не могла представления о том, что жить в богатстве – это их судьба по праву рождения. Они же люди со свободой воли, а не какие-то рыбы.

– Просто так всегда бывает, – отозвался Нейтан. – А кроме того, твои деньги меня прикончат, – добавил он. – Я стану ленивым, ворчливым неряхой.

– По-твоему, я такая? – спросила я.

– Пожалуй, немного ворчливая, – ответил он с лукавой улыбкой. – Но не ленивая и не неряха.

Только Нейтан осмеливался шутить о моем характере, и за это я любила его еще больше. Наша близость была столь же маловероятной, сколь и неизбежной. Тело моего мужа еще не успело остыть, как мои дети отправились в свои колледжи на севере Калифорнии – Чарли в Калифорнийский университет в Санта-Крузе, а Винни в Стэнфорд. Менее эгоистичный Нейтан решил поступить в Калифорнийский университет, прямо в Лос-Анджелесе.

Когда его отец превратил детскую в свой кабинет, мой дом стал служить Нейтану убежищем, где можно выспаться и поесть по-домашнему – мои дети всегда воспринимали это как должное, а он ценил. Мы с Нейтаном очень похожи – амбициозные трудоголики, отвергнутые теми, кто должен о нас беспокоиться. Разница только в том, что он с этим смирился, а я предпочитала библейский подход – око за око. Наверное, племянник считает меня мелочной из-за того, что я вычеркнула детей из завещания, и рассчитывает, что я в конце концов образумлюсь. Но я и так в здравом уме. И знаю то, чего не знает он. И я приняла решение.

– Это все, что ты хотела обсудить? – спросил он, когда загудел чайник, и встал, чтобы его принести.

– Вроде да.

Нет смысла сейчас напирать, Нейтан не готов играть роль наследника огромного состояния, мой выход на сцену не сорвет аплодисментов, так в чем смысл? Я чувствовала разочарование. Мне хотелось сделать это, прежде чем я превращусь в жалкую старую развалину. Кому еще мне оставить деньги? Только ему, больше некому.

Я часто размышляла о том, где допустила ошибку с детьми. Чья вина в том, что они оказались эгоистичными и неблагодарными, если не моя? Я же их мать. Если у них дурной характер, мне некого винить, кроме себя. Я совершила ошибку, купившись на бредни глупых феминисток: «У тебя может быть все! Потрясающая карьера! Выводок идеальных детишек! Семейный ужин по пятницам! Пылкий секс по субботам!» Но невозможно иметь сразу все. Дети ненавидят тебя за то, что потакаешь другим увлечениям, даже тем, которые позволяют покупать им подгузники. Ты пытаешься загладить вину – гитарой, батутом, лошастью, модными кроссовками, о которых они мечтали, – но все это лишь разрушает их. Да, это я виновата в том, что они с гнильцой. Однако это не значит, что я им что-то должна. Не слишком ли я мстительна? Возможно. Но лучше быть мстительной, чем обманутой дурой.

Так что же делать? Я могла бы завещать все на благотворительность, но это слишком сложно, не говоря уже о том, что совершенно не в моем стиле. И я не могу представить ничего более отталкивающего, чем свое имя на табличке, мимо которой проходят студенты, даже не замечая ее. К тому же мне нужна помощь, а значит, какой-то человек, желательно совершенно отчаявшийся. Тот, кто никогда не жил в достатке, кто придет в восторг от всей этой роскоши, когда впервые сможет себе ее позволить, и будет изо всех сил бороться, чтобы ее удержать.

Меня расстраивало, что я до сих пор не встретила такого человека.

Но, как выяснилось, скоро встречу.

Глава 3. Эшли

Брандо тянул поводок с энергией актрисы, опаздывающей на прослушивание. Мне слишком хорошо знакомо это чувство – я всю жизнь бегаю на прослушивания. «Без прослушиваний не получишь роль», – твердил мой преподаватель по актерскому мастерству. Проблема в том, что я все равно не могла получить роль, сколько бы ни ходила на прослушивания. И все же упрямо пыталась.

– Ладно, ладно, не спеши так, – приказала я псу, но длинные уши ничего не слышали.

Брандо знал, что, как только мы свернем за угол, я отпущу его с поводка, и его нетерпение только росло. На нашей улице достаточно машин и других собак, поэтому я не люблю отпускать Брандо, даже в такой поздний час. Но как только я сворачиваю в сонный переулок в конце квартала, то позволяю ему немного порезвиться. Темный холм не выглядел манящим. Сюда почти никто не поднимался, в особенности в такие туманные ночи.

Свернув в тупик, я натянула бейсболку на непослушные волосы и отстегнула поводок. Брандо задорно помчался вперед, нюхая все подряд и поднимая ногу по пути. Интересно, каково это – так радоваться настолько простым вещам, например новому запаху. И сухому корму. И кусту с запахом белки. Я завидовала, что его желания не простираются дальше того, чтобы пописать на каждое дерево. Почему я так мало похожа на своего пса?

Многие люди довольны своей незамысловатой жизнью, но, к сожалению, я не из их числа. Наверное, не стоит в этом признаваться, но я завидовала бывшим однокурсникам, которым удавалось получить роль. Почему они, а не я? Я старалась быть благодарной за все. Выступала перед тысячами известных директоров по подбору актеров, побывала на всех крупных студиях, ходила по одним коридорам с легендами Голливуда – Элизабет Тейлор, Люсиль Болл, Бетт Дэвис. И благодаря этому стала великолепным гидом. Клиентам нравилось, как я имитирую монотонные реплики кастинг-директоров, нравились мои рассказы о встречах со знаменитыми актерами в «Старбаксе» на территории студии. Я знала, что мучаю себя, гоняясь за безответной любовью, но не была готова с ней расстаться. Трудно забыть о мечте, если нет новой, ради которой можно жить дальше.

– Ко мне, Брандо, – позвала я пса.

Я отпустила его с поводка побегать, но не хотела терять из вида. На этой улице нет фонарей, а деревья и облака превратили лунный свет в густой сияющий туман. Другим источником света были только дома – лампы на крыльце, свет из спален наверху и солнечные фонари на дорожках. Некоторым людям нравится подсвечивать деревья снизу, как напоминание о том, что ночь противоположна дню – свет исходит снизу, а не сверху.

Пока Брандо носился от дерева к дереву, я заглядывала через заборы и толстые решетки, воображая, какие люди могут жить в доме за ними. Там были настоящие каменные замки, белые особняки как у плантаторов, с широкими черными ставнями, точно из «Унесенных ветром». А еще были чванливые дома в стиле Тюдор, с остроконечными башенками и кустами роз в саду. Даже самый маленький из этих дворцов был в пять раз больше угловатого дома моего детства, а коттедж, который снимали мы с Джорданом, поместился бы в гараж любого из них. Кто живет в этих дворцах? Знаменитости? Руководители компаний? Преступные боссы? Я знала, сколько они стоят, – выяснила в интернете. Дома привлекали внимание, а я была экскурсоводом – интерес к истории можно назвать обязательным условием для такой работы!

Мы приближались к концу квартала. Улица заканчивалась тупиком, разветвляющимся на две подъездные дорожки. Правая вела к кремовому особняку в средиземноморском стиле, в чьем гараже могли бы разместиться с десяток «Рэндж-роверов». Ряды высоких пальм, посаженных с одинаковыми интервалами, довершали образ жилища голливудской звезды былых времен.

Другая дорожка была длинной и узкой, с нависшими кустами и деревьями. В конце не было видно дома, и, если не знать, могло показаться, будто дорога уходит куда-то вдаль. Старомодные фонари стояли слишком далеко друг от друга и отбрасывали жутковатые тени, искаженные неровной поверхностью. К столбу на заборе, увитому плющом, была приколочена табличка: «Частная собственность, вход воспрещен!», довершая негостеприимный образ. Сцена прямо из мультфильма «Скуби-Ду», до того пугающая, что почти комичная.

Я никогда долго не задерживалась на этой дороге. Меня нервировала атмосфера как из фильма ужасов и совершенно не интересовало, что за отшельник живет в конце дороги. Поэтому меня охватило сильное раздражение, когда Брандо пронесся мимо первых двух фонарей, словно наткнувшийся на загадку Скуби.

– Идем, Брандо! – крикнула я вдогонку пушистой спине, когда он припустил по дороге. Но пес не остановился.

– Ко мне, Брандо! – скомандовала я уже чуть громче.

Но он побежал дальше, а через несколько секунд и вовсе скрылся из вида.

– Брандо!

Я встряхнула поводком в надежде, что звон металла покажет, насколько серьезно я настроена. Но ничего не вышло. Он не вернулся.

– Брандо-о-о-о! – запела я. – Идем, мальчик!

В тревоге я ждала у начала дороги. Десять секунд. И еще десять.

Пес не возвращался.

А значит, придется идти за ним.

Глава 4. Луиза

– Я хочу кое-что тебе показать, – заявила я племяннику после третьего печенья.

Я встала и повела его в кабинет. Даже если он не желает стать моим наследником, он все равно был полезен. Возможность осуществить мой план в конце концов появится, и нужно быть наготове.

– Вот здесь в столе лежит папка. – Я открыла нижний ящик. – Я подписала ее: «Смерть Луизы». Там инструкции по поводу того, что делать, когда я умру. – Я вынула папку и отдала ему. Он вытаращил глаза, как сова:

– Луиза, зачем ты мне это показываешь?

Он выглядел испуганным, и я попыталась его приободрить:

– Я должна была показать ее тебе давным-давно.

Конечно, была причина, по которой я показала ему папку только сейчас, но если он не собирается мне помогать, объяснять бессмысленно.

– У тебя все... хорошо?

– Нет. Я состарилась. Не притворяйся, будто не заметил.

Он слегка улыбнулся, как будто решил, что это шутка.

– Иногда я об этом забываю, – сказал Нейтан, и я снова вспомнила, почему он мой любимчик.

В отличие от моих детей, он не сбежал, когда умер муж и мне пришлось тяжело. Он был рядом, как и положено родному человеку.

Мы вернулись в столовую и убрали со стола. Нейтан настоял, что помоеет посуду перед уходом. Я позволила ему под предлогом наказания за то, что тот не пожелал стать моим наследником, но, по правде говоря, мне нужен был предлог, чтобы посидеть несколько минут с закрытыми глазами. Диван с высокой спинкой в гостиной годился только для поддержания хорошей осанки, но мне не хотелось удаляться от кухни, пока Нейтан убирается, поэтому пришлось довольствоваться им.

– Спасибо за прекрасный ужин и приятную беседу. – Нейтан наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

– А, ну да, – отозвалась я, очнувшись. Я вытерла уголки губ ладонью и оперлась на подлокотник дивана, чтобы встать. – Пойду тебя провожу.

– Я знаю дорогу.

Я заметила, что он уже надел пальто, и побранила себя за то, что задремала на глазах у племянника. Он был близким родственником, но все равно некрасиво засыпать перед гостем.

– Наверное, ты считаешь меня отвратительной хозяйкой, – сказала я, вставая.

– Зато ты отлично готовишь, – подмигнул он.

Он любезно подождал, чтобы открыть мне дверь. Мой брат навевает зевоту, но он воспитан хотя бы одного ребенка с хорошими манерами. О своем муже я такого сказать не могу, упокой Господь его душу.

– Передавай привет маме с папой, – сказала я, не сомневаясь, что он так и поступит.

В отличие от моих детей, он каждый день разговаривает с родителями.

– Обязательно. Спокойной ночи.

Я закрыла за ним дверь и взглянула на антикварные часы с боем, которые мой муж купил на «Сотбис». Еще не было даже девяти, но я не могла придумать, чем заняться, разве что лечь спать. Быть может, это я, а не мой брат невыносимо скучна. Когда всего несколько лет назад я еще занималась бизнесом, то часто работала по шестнадцать часов – на рассвете отправляла письма, потом садилась в машину или на самолет, чтобы найти новый талант или встретиться с клиентом. Чтобы руководить кастинговым агентством, требуется постоянная самоотдача, и я

занималась этим энергично и элегантно. Меня раздражало, что такое простое дело, как приготовление еды, теперь может выбить меня из колеи. Я стала такой, как те, кого всегда порицала: ворчливой, жалеющей себя и старой.

Я сказала себе, что почитаю в постели перед сном, хотя знала, что вряд ли осилю больше страницы. Книга осталась в библиотеке, в противоположном конце дома. Я обожала свой большой и сказочный дом в английском стиле, но его причудливая планировка утомляла. Приходилось спускаться, чтобы оказаться наверху, сворачивать налево, чтобы пойти направо. Когда дети были маленькими, они радовались закоулкам и коридорам, вдохновляющим на бесконечные игры в прятки, но причудливая планировка была ужасно непрактичной.

Я прошла через гостиную и столовую, затем по короткой лестнице в форме полумесяца спустилась в библиотеку. Она находилась в дальней части дома, и из решетчатых окон в сельском стиле виделись только густые заросли кустарника и древние деревья, увитые плющом. Когда я удосуживалась наполнить кормушку для птиц, слеталась целая стая: царственные голубые сойки, игривые воробьи, серо-меловые голуби, иногда даже павлины. Я любила свой зачарованный лес. Но не только из-за книг эта комната стала самой любимой в доме.

Сейчас я наслаждалась «Нежданным гостем» Агаты Кристи. Книга лежала на подлокотнике кожаного кресла, такого старого и потертого, что на сиденье остался отпечаток моего зада. Я не собиралась менять мебель: в эту комнату никто не заходил, кроме меня, и я всегда могла набросить на кресло плед, если бы кто-то пришел. Когда я сунула под мышку детектив с крутым сюжетом, на заднем дворе внезапно включились прожектора. Но я не встревожилась. Кроме птиц, на заднем дворе обитала куча грызунов, некоторые были достаточно крупными, чтобы опрокинуть мусорные баки. Один зверек, должно быть, пробежал мимо датчика. Конечно, у меня были камеры видеонаблюдения, как внутри дома, так и снаружи; я ведь, как-никак, престарелая вдова, живущая в одиночестве в доме с ценным имуществом. Монитор стоял в кладовке; я собиралась проверить его, перед тем как лечь спать, и убедиться, что мой «нежданный гость» не той же породы, что у мисс Кристи.

Пока я пробиралась к кладовке, прожектора уже погасли. Камеры снимали и в темноте, так что я все равно могла рассмотреть двор. Двадцать лет назад, когда муж устанавливал систему, эта технология наверняка была самой передовой, но по сегодняшним стандартам толстый черный монитор выглядел громоздким, а зернистое зеленоватое изображение напоминало компьютерную игру, в которую играли мои дети, когда еще были невинными и милыми.

Мой муж установил камеры почти везде (не дай бог придется вставать ночью с постели), и я переключилась с внутренних камер – в прихожей, столовой, гостиной, кухне – на камеры заднего двора. Их было две, под карнизом, и линии обзора пересекались. Одна смотрела в густые заросли за библиотекой. Другая – в сторону подъездной дороги.

Поначалу я решила, что это обман зрения. Я увидела человека, скорчившегося в ивах во дворе. Изображение на мониторе было расплывчатым и дрожало, поэтому было легко вообразить то, чего на самом деле не существовало.

Но тут фигура шевельнулась. Человек оказался миниатюрным. Подросток? Женщина? В ошеломленном молчании я смотрела, как он или она крадется вдоль деревьев. Мне потребовалось мгновение, чтобы сориентироваться в изображении, но я быстро определила, что на подъездной дорожке кто-то есть, и этот человек наблюдает за моим домом.

За тридцать с лишним лет, которые я прожила в своем огромном сказочном доме, меня никто не потревожил. Я не знала, что делать. Мне не хотелось вызывать полицию. К тому времени, когда она придет, человек, скорее всего, уже уйдет, и мне придется полчаса болтать с одним копом, пока другой будет топтать мою герань. Вряд ли назойливый злоумышленник проникнет в дом. Все двери и окна заперты, по крайней мере, я так считала. В последнее время я стала такой забывчивой – неизбежное следствие преклонного возраста и обыденного существования.

Я решила позвонить Нейтану; он только что ушел, но вернется, если я попрошу. Я подошла к столику в прихожей и достала из сумочки телефон. Но как только раздались гудки, аккумулятор сел. Я забыла зарядить телефон. Даже если подключить его к сети, он оживет только через несколько минут. К тому же зарядное устройство осталось в спальне, а с проблемой нужно разобраться срочно.

Я снова посмотрела на монитор. Фигура переместилась от камеры на подъездной дороге к той, что сбоку, то есть приблизилась к дому. Я по-прежнему не могла разобрать пол незнакомца, но на нем или на ней была бейсболка с эмблемой спортивного клуба, которую я не опознала. Не просто незваный гость, а чужак.

Человек повернулся, и я заметила изгиб бюста на фоне серо-зеленого неба: определенно женщина. Она держала что-то в руке. Веревку? Точно, веревку! Наверное, я смотрела слишком много фильмов Хичкока, потому что при виде веревки раздражение сменилось тревогой. Если кто-то решил выбрать меня на роль идеальной жертвы, я не собиралась так просто сдаваться.

Я выругала себя за беспечность, потому что позволила аккумулятору разрядиться. Проводного телефона у меня не было – много лет назад дети убедили избавиться от него. Не было и тревожной кнопки. Зато имелось оружие. Вообще-то, прямо здесь, в кладовке. Стрелять я научилась еще в детстве и по-прежнему была чертовски хорошим стрелком.

Я вытащила из потайного места за мешком с мукой старинный «смит-вессон».

И пошла встречать незваного гостя.

Глава 5. Эшли

– Ко мне, Брандо! – позвала я сценическим шепотом, прокравшись между деревьями к неровной гравийной дороге. Я старалась говорить тихо, но властно, однако получалось нечто среднее между лаем и шипением сдутой шины.

Я прошла уже мимо семи фонарей, когда проступил силуэт дома. Вид у него был как у средневекового замка – с неровной черепицей и такой крутой крышей, что та казалась почти вогнутой. Лунный свет отражался от разнообразных окон, прямоугольных, круглых и овальных, и пары несимметричных башенок, взмывающих в небо, как готовые к полету ракеты. Над огромной арочной дверью из сучковатого темного дерева, обрамленной завитками плюща, нависал балкон в стиле Ромео и Джульетты. Дымовая труба представляла собой пазл из неровных булыжников и была увенчана чем-то вроде гигантского гриба.

– Иди сюда, Брандо, – взмолилась я из густых кустов.

Брандо уже не в первый раз убежал на шум или чтобы подружиться с другой собакой, а то и с каким-нибудь грызуном, но впервые абсолютно скрылся из вида. Я понимала, что безответственно отпускать его с поводка на ночных прогулках, но мне так нравилось смотреть на виляющий пушистый хвост, когда пес скакал куда-то по велению ушей и носа. И обычно он возвращался, когда я его звала. А даже если не возвращался, никогда не случалось ничего плохого. Я просто подходила и забирала его у нового друга или вонючего мусорного бака, которые его привлекли, а потом укоризненно качала перед его носом пальцем, чтобы больше так не делал.

Конечно, была и другая причина, по которой я отпустила собаку на свободу. По этой же причине я оставила семью и многочисленных друзей и переехала на запад: я люблю рисковать. Мне нравится, как выход из зоны комфорта обостряет все чувства и заставляет сердце стучать так, что отдается в ушах. Я не была безрассудной, просто считала, что, если верить чутью, все получится. Как в тот раз, когда мы с друзьями из актерской школы нарядились и поехали на поезде в центр города на концерт, хотя у нас не было билетов. Мы верили, что если нам суждено попасть на концерт, то мы попадем. Так почему организатор мероприятия предложил нам бесплатные места в первом ряду? Из-за нашей уверенности? Или по какой-то другой причине? Я знаю, что верить в ангелов-хранителей – это слишком по-детски, и в то же время не самонадеянно ли думать, что мы, люди, держим все под контролем? Не знаю, наблюдали ли ангелы-хранители за происходящим в тот вечер, но если да, я надеялась, что они меня прикроют.

Я двинулась дальше в туман, и под ногой хрустнула ветка. Я замерла. От пота волосы закручивались на затылке, а футболка прилипла к влажным подмышкам. Я вдруг поняла, как нелепо себя веду. Почему я хожу на цыпочках, как вор? У меня была вполне веская причина находиться на этой дороге. Да, я зашла на частную территорию, но это не значит, что я пыталась пробраться внутрь и украсть садовых гномов хозяйки из-за того, что она написала злую (и совершенно необоснованную) рецензию на леди Макбет в моем исполнении. Я просто потеряла свою собаку.

Я раздумывала, не объявить ли о своем присутствии громким «Здравствуйте! Есть кто дома?». Но стоило мне ступить на подъездную дорожку, чтобы крикнуть оттуда, как меня затопил свет прожекторов, и я потеряла самообладание.

– Черт! – выругалась я, отступив обратно к деревьям.

Какая актриса будет прятаться, когда включают огни рампы? Ах да, актриса я никудышная. Как удобно.

Воспользовавшись освещением, я осмотрела двор. И тут же увидела Брандо. Он нашел птичью кормушку и хрустел упавшими семечками, а также чем-то, похожим на мертвого голубя.

– Брандо! – зашипела я. – Иди ко мне сейчас же!

Он даже не поднял голову. Очевидно, я привлекала его гораздо меньше, чем полуночный перекус. Я слишком нервничала, чтобы злиться, – прибережем это на потом, когда он извывает рвотой с перьями весь ковер.

Прожектора выключились, и двор опять поглотила темнота. Я дала глазам несколько секунд, чтобы адаптироваться, и пробралась вдоль дома к заднему двору, с поводком наготове. Я могла бы и унести пса, если понадобится, но шесть ног быстрее двух.

– Брандо, – позвала я. – Давай, пошли.

Он снова уткнулся мордой в птичьи семена. Я обругала себя и охотничьи инстинкты пса и на цыпочках двинулась к нему. Птичья кормушка выглядела странно – просто полочка, прикрепленная к металлическому шесту. Он был черным и гладким, как печная труба, и увенчан чем-то вроде колпака над дымоходом или крохотного зонтика. Тарелка с птичьим кормом, которая, вероятно, стояла на полке, упала на землю, и Брандо теребил ее, пытаясь обнаружить оставшиеся под ней кусочки.

– Идем, Брандо!

Я подбежала к нему. Моя вытянутая рука находилась почти у его ошейника, когда прогремел первый выстрел – пронзительный хлопок, похожий на раскат грома, только краткий.

– Черт, черт, черт!

Я распласталась на животе и прижалась щекой к твердой земле. Я вспомнила табличку «Вход воспрещен» и как беспечно ее проигнорировала. К голове прилил адреналин, и я мучительно пыталась сообразить, что же делать. Поднять руки? Закричать? Лежать тихо? Или бежать, сверкая пятками?

Я подняла голову, чтобы сориентироваться...

Бах! И снова этот грохот, резкий и жалищий, как свист хлыста. Я не могла понять, откуда раздался выстрел – казалось, звук идет отовсюду и ниоткуда. В этом районе обитает много койотов, а иногда забредают и рыси. Я вдруг поняла, что, если стрелок принял меня за хищника, прикончившего его кошку, все может закончиться очень печально.

Я вытянула шею, чтобы посмотреть на птичью кормушку. Брандо исчез – без сомнения, испугался выстрелов. Наверное, самое время и мне убираться. Стараясь не поднимать головы, я вонзила пальцы в холодную землю и, как солдат Джо, поползла к лесу. Я понятия не имела, что сделает любитель пострелять, заметив меня, и не хотела это выяснять.

Оказавшись в безопасной тени деревьев, я проскользнула между двумя огромными дубами и медленно встала. Я лихорадочно всматривалась в окрестности в поисках пса. Куда он подевался? Темноту прорезали фары машины, переваливающейся по ухабам дороги.

Как порывом ледяного ветра меня окатила паника. Машина приближалась, и я прилипла к дереву, стараясь ускользнуть от сердитого взгляда ослепительно-белых фар. Я подождала, пока уляжется поднятая шинами пыль, а потом взяла себя в руки и побежала.

Глава 6. Луиза

– Тетя Луиза! – позвал меня Нейтан, выпрыгивая из немецкой спортивной машины.

Мой револьвер был по-прежнему нацелен куда-то выше головы, а палец гудел от отдачи. Давненько я не стреляла, уже и забыла, какая у этого оружия отдача и насколько хрупкими стали мои старые пальцы.

– Что ты делаешь? – закричал племянник, увидев меня на крыльце. – Господи, что с тобой? Что случилось?

– Все в порядке, – ответила я, опуская револьвер к трясущимся ногам. – Я не хотела тебя вызывать.

Это была ложь, как раз таки хотела. Но теперь я держала все под контролем и не желала, чтобы он думал, будто я не могу постоять за себя, потому что я могу, как и каждый день в последние десять лет.

– Я пытался тебе перезвонить. Но ты не отвечала, и я заволновался. И теперь вижу, что не зря. – Он вскочил на крыльцо и протянул руку за револьвером. – Не возражаешь?

Я была уверена, что имею больше навыков в обращении с оружием, но не стала перечить.

– А где предохранитель? – спросил Нейтан, покрутив револьвер в руке.

– У револьвера нет предохранителя, – объяснила я. – Он не выстрелит, если не оттянуть курок.

Я старалась, чтобы это не прозвучало снисходительно, но, бог ты мой, неужели он никогда не смотрел вестерны?

– Давай зайдём в дом, – предложил он, и я позволила ему взять меня под руку и довести до дивана в гостиной. Нейтан положил револьвер на стол вне моей досягаемости и сел напротив. – Ты не хочешь рассказать, по какой причине решила потренироваться ночью в стрельбе?

– Кто-то проник на территорию, – объявила я будничным тоном. – Я увидела ее на мониторе охранной системы.

– Ее?

Я не сочла этот вопрос невольным проявлением сексизма, я и сама была удивлена.

– Нет смысла вызывать полицию, – продолжила я, – если я прекрасно смогла и сама ее прогнать.

– Ради бога, скажи, что никого не пристрелила.

– Не говори ерунды, я выстрелила в воздух, просто чтобы ее спугнуть. Она наверняка пробежала мимо тебя.

Он на мгновение задумался, словно пытался вспомнить, не видел ли чего-то необычного. Наконец кивнул и предложил:

– Давай я сделаю чай.

Мы только что пили чай, но мысль была неплохая. Понадобилось время, чтобы привыкнуть к образу живущей в одиночестве вдовы, но я с этим смирилась. Я предпочитала собственные мысли, чем досужую болтовню, и, конечно, не нуждалась в собаке для прогулок или кошке, которая соперничала бы с моей необщительностью. Но время от времени я наслаждалась обществом родственников. Меня утешали общие воспоминания, понятные только нам шутки, несдерживаемый смех. Настойчивое желание детей отказать мне в таком утешении было одной из главных причин моего вечно плохого настроения. Конечно, на втором месте после причины, по которой они мне отказывали.

Загудел чайник, и через мгновение появился Нейтан с двумя чашками. При виде него я улыбнулась. Я уже перестала сетовать на то, что Нейтан не мой ребенок, решив радоваться, что хоть кто-то ведет себя, как подобает сыну.

Нейтан поставил чашки на блюда. Но, садясь, он замер на полпути.

– В чем дело? – спросила я.

– Ты не слышала?

– Что именно?

– Тсс! – Он встал и застыл.

Я услышала уханье совы. Гул камина. И биение сердца, отдающееся в затылке. А потом услышала кое-что еще. Какое-то царапание, будто когтями по двери.

– Что это? – прошептала я, и Нейтан поднял палец, призывая к молчанию.

Звук прекратился. А потом царапанье возобновилось. И вновь затихло.

– Думаешь, кто-то пытается забраться в окно?

– Оставайся здесь, – приказал он. – И не вздумай меня пристрелить!

Я бы предложила ему револьвер, но знала, что он не возьмет. Совершенно очевидно, Нейтан никогда не стрелял, и револьвер в руке испугает его сильнее, чем любой взломщик.

– Нейтан, стой! – прокричала я и на цыпочках подошла к камину за чугунной кочергой.

Я протянула ее Нейтану, и он одобрительно кивнул. Парадная дверь скрипнула на старых петлях, и племянник выскользнул наружу.

Мой взгляд остановился на револьвере. Трясущимися руками я схватила его со стола и прицелилась в дверь. Услышала стон ступеней на крыльце и шорох листьев под подошвами. И тишина.

Я подождала, пока секундная стрелка старинных часов с боем отмерит целую минуту. И еще одну. Я ощущала тяжесть револьвера в руке, но не опускала его. Я не взвела курок, только поставила на него большой палец. Конечно, я не Джон Уэйн², но при необходимости могу выстрелить меньше чем за секунду, а во второй раз – и за полсекунды.

Ощувив легкое головокружение, я поняла, что задержала дыхание. И заставила себя медленно выдохнуть. Почему он так долго? Со следующим вдохом пришел и долгожданный ответ. Нейтан прокричал:

– Опустит оружие, я нашел злоумышленника!

Появившись на пороге, Нейтан улыбался и держал в руках какого-то светлого енота.

– Это еще кто?

Он включил свет и вошел в дверь, обнимая невероятно симпатичного золотистого пса.

– Ох, бог ты мой, – вздохнула я.

Я вспомнила веревку в руке женщины и поняла, что это была вовсе не веревка. Какой переполох я устроила!

– Думаю, теперь мы знаем, что здесь делал тот взломщик, – сказал Нейтан, поглаживая собаке подбородок. Его пальцы нащупали бирку в форме косточки. – Похоже, его зовут Брандо.

Я заглянула в большие карие глаза моего лохматого гостя. Маленькие усы подрагивали, и я прикоснулась к его мордочке. Он потянулся ко мне. Я почувствовала прилив тепла в груди. Вспомнила, как легко было любить детей, пока они были маленькими, а они любили меня в ответ. Они были так уязвимы, такие крошечные, с хрупкими сердечками, поэтому я тоже позволяла себе быть уязвимой: плакать как дурочка, при виде их первых шагов, выпавших зубов, нестройных соло на утомительных концертах школьного хора. Но потом они выросли, и наша любовь ослабла. Их привязанность стала зависеть от получения желаемого: поездки в Европу, новой машины, первого взноса за квартиру на берегу моря. Неужели это деньги разрушили наши отношения? Было бы нам лучше, если бы я прятала от них деньги? Или вообще ничего не имела?

– Хороший песик, – приласкала я его, и Брандо завилял пушистым хвостом туда-сюда, как дирижерской палочкой. А я вдруг вспомнила, каково это – любить без условий.

– Тут есть номер. Может, позвонить? – спросил Нейтан, вытаскивая телефон.

² Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер по прозвищу «король вестернов».

– Бедняжка, – сказала я, уклоняясь от ответа. – Насколько надо быть безответственным, чтобы отпустить собаку без поводка посреди ночи?

– Мне спрятать твой револьвер? – спросил Нейтан, набирая номер.

– Может быть, – пробормотала я.

Я знала, что нужно позвонить хозяйке, чтобы она пришла и забрала свою собаку. Чего я не знала, так это того, что загадочная незнакомка даст мне не причину жить дальше, а (наконец-то) возможность умереть.

Глава 7. Эшли

– Эшли! Что случилось? Где Брандо? – спросил Джордан, когда я ворвалась в дом.

Он переоделся в бледно-голубые треники и такую старую и потрепанную футболку, что она почти просвечивала.

– Ох, Джордан, что я натворила! – взвыла я, размазывая слезы и сопли по лицу тыльной стороной ладони.

Я знала Джордана почти всю жизнь. Он видел меня красавицей по вечерам, в ужасном виде по утрам и во всех промежуточных состояниях. Мне нечего было от него скрывать.

– Вдохни поглубже и расскажи, что случилось, – спокойно произнес он голосом врача.

У Джордана всегда хорошо получалось справляться с истериками, вот уже почти десять лет он занимался этим с перепуганными пациентами, нервными интернами и как минимум с одной сверхчувствительной актрисой. Он подвинул мне стул, и я рухнула на него. На грудь, словно мокрое одеяло, давили стыд и смятение. Джордан тысячу раз говорил, чтобы я не отпустила Брандо с поводка, потому что достаточно «одной приبلудной белки», и тот бросится под машину. Но, конечно, я его не слушала.

– Я всего на минутку спустила его с поводка, – солгала я. – Только чтобы он размял лапы.

Джордан присел передо мной и положил руку мне на колено. У него были длинные пальцы – я много раз видела, как он бросает ими баскетбольный мяч, – и они дотянулись до моего бедра. При других обстоятельствах я увидела бы в этом жесте намек, но в тот момент была вся в соплях и истерике.

– Тихо, тихо, – успокоил он меня. Я начала икать от рыданий, и он сжал мою ногу, чтобы приободрить. – Он же маленький, далеко не убежит. Я только переоденусь, и мы его поищем, хорошо?

Я кивнула. Мне было слишком стыдно рассказывать о выстрелах. Отпустить Брандо с поводка и без того было достаточно глупо. Мне не хотелось, чтобы мой рассудительный сосед по дому знал, что я не только потеряла пса, но и погналась за ним мимо знака «Вход воспрещен», во двор человека, явно настроенного защищать его всеми способами.

Как только Джордан встал, в кармане худи зазвонил телефон. Незнакомый номер. Я посмотрела на Джордана и ответила:

– Аллю?

– Это хозяйка Брандо? – спросил приятный мужской голос.

– Да! Да, это я! Он у вас?

Джордан оптимистично поднял брови.

– Да, у нас. И думаю, он горит желанием к вам вернуться.

Мое сердце чуть не разорвалось от радости. Когда я бежала домой, то молилась о чуде, обещая своим ангелам-хранителям, что, если они вернут мне пса, я никогда больше не выпущу его из поля зрения.

– Огромное спасибо, – выдохнула я и вскочила на ноги. – Ради бога, простите, что я вас потревожила.

– Это мы должны извиниться, – сказал мужчина. – Моя старая тетушка по-прежнему считает, что живет на Диком Западе и предупредительный выстрел в воздух – отличный способ сообщить, что кто-то подошел слишком близко. Уверяю, вам ничего не грозит. Она никому не причинила вреда. Просто испугалась.

Я почувствовала, как вспыхнули мои щеки. Я прокралась к дому бедной старушки посреди ночи, конечно, она испугалась!

– Ничего страшного, – промямлила я. – Простите, что я ее напугала.

– Что он говорит? – спросил Джордан. – Кого ты напугала?

Я подняла палец: секундочку!

Мужчина протараторил адрес, а потом добавил:

– Я мог бы сказать – следуйте на звук выстрелов, но я ее разоружил.

Я улыбнулась в ответ на шутку.

– Буду через несколько минут. Спасибо, что позвонили. И что нашли мою собаку.

– Кто-то его нашел! – воскликнул Джордан, когда я закончила разговор.

Я кивнула, а потом прикусила губу. Не знаю точно, отчего я снова расплакалась – не то от облегчения, не то от стыда, но из меня лило, как из пожарного гидранта.

– Ты цела, он цел, – успокаивал меня Джордан, заключив в объятия.

Мы уже много раз обнимались: «Пока», «С возвращением» или «С днем рождения», но сейчас я почувствовала что-то другое. Может, все из-за бурных эмоций... или воспоминаний о его ладони на моей ноге, сильной и теплой, и такой надежной. Я уже очень давно так не обнималась. И мне не хотелось его отпускать.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой? – спросил он, когда я уткнулась лицом в его широкую грудь.

В школе Джордан занимался разными видами спорта – футболом осенью, баскетболом зимой, бейсболом весной; я никогда не принадлежала к числу тех девушек, которых впечатляют спортивные достижения, но кому может не понравиться местный герой?

Мои мысли перенеслись к Брандо, как он одинок в чужом доме. Я выпустила Джордана из объятий, но мы по-прежнему стояли нос к носу. Я могла бы встать на цыпочки и поцеловать его, если б захотела. И кстати, я хотела. Интересно, он чувствует то же самое? Помнит ли он о нашем уговоре насчет свадьбы? Наверное, недавнее столкновение со смертью придало мне смелости, и я решила, что пора это выяснить.

– Мы с тобой через многое прошли вместе, – начала я.

– Ха! – отозвался Джордан. – Через кучу неприятностей. Помнишь, как ты разбила окно?

– Не разбивала я окно! Это ты разбил окно.

– Потому что твоя рука застряла, я же должен был тебя вытащить!

Джордан был воплощением идеального партнера: легок на подъем, надежный, способен остановить любое кровотечение. Будь то тачдаун для победы в большой игре или освобождение своей истеричной соседки из хватки зазубренного оконного стекла, он всегда оказывался на высоте.

– Джордан... – сказала я в приливе смелости. – Ты помнишь наше соглашение? Насчет тридцатилетия?

Он вопросительно посмотрел на меня:

– Мы заключили соглашение?

Я могла бы на этом остановиться. Джордан явно не помнил или не хотел вспоминать. Не знаю, что на меня нашло и почему я решила надавить. Может, от облегчения, что Брандо вернется, я почувствовала себя неуязвимой? Или просто устала спать с псом, а не с мужчиной.

– Ну, не совсем соглашение, – пояснила я. – Просто ты всегда рядом. И мне это нравится. И может, ну... что, если так будет всегда? Именно об этом мы и говорили.

Господи, неужели я это сказала? Как будто мне мало того, что я уже натворила!

Джордан напрягся всем телом. Испугался? Или просто в замешательстве? Я вроде только что сделала ему предложение руки и сердца. А почему бы и нет? Джордан – просто мечта. Все наши знакомые считали, что мы отлично смотримся вместе. Джинни из актерской школы даже сказала, чтобы я поторопилась и прекратила «страдать фигней», иначе она сама его охмурит. Джордан оберегал меня от неприятностей с тех пор, как я переехала в Голливуд; даже страшно подумать, что бы со мной случилось без него. Конечно, на самом деле я не собиралась порезать Джинни шины, когда она «случайно» дала мне неправильный адрес для проб к сериалу «Странные дела», но именно Джордан выхватил у меня из рук кусачки, мягко напомнив:

«Поступай с другими так, как хотела бы, чтобы они поступали с тобой». Он оказывал на меня хорошее влияние, как сказала бы мама, идеальный муж. Я затаила дыхание, ожидая, что он ответит, – думает ли обо мне то же самое.

– Брандо ждет, – сказал Джордан и попятился. – Пойду переоденусь.

Мне как будто вlepили пощечину. Господи, что я наделала? Мое лицо запылало от унижения.

– Не нужно, – промямлила я, – я сама за ним схожу.

Я схватила ключи с кухонного стола.

– Уверена?

В горле у меня встал комок. Я боялась заговорить, поэтому просто кивнула, махнула рукой и метнулась к двери.

– Удачи, – прокричал он вслед.

Но я не ответила. Потому что желать удачи было уже слишком поздно. Я уже выставила себя дурой, и никакая удача этого не исправит.

Глава 8. Луиза

– Она здесь, – провозгласил Нейтан, как будто я не видела мечущиеся на дороге огни фар. Малыш Брандо, как, полагаю, его звали, свернулся рядом со мной на диване, и мои колени уже были покрыты собачьей шерстью. Откуда у такого крошечного создания столько шерсти? Это невозможно по законам математики.

– Мне его вывести? – спросил Нейтан, указывая на меховой комок, приклеившийся к моей ноге.

Мне хотелось посмотреть на женщину, которая вторглась на мою территорию.

– Нет, пусть войдет, – отозвалась я. – Хочу извиниться за то, что ее напугала.

Это была ложь, извиняться я не собиралась. У меня было право защищаться, а с ее собакой не случилось ничего плохого.

Я услышала визг тормозов, а потом хлопнула дверь машины. Скрипнуло под ногами крыльцо. Нейтан открыл дверь, прежде чем незнакомка успела позвонить.

Я осмотрела ее через открытую дверь. Ниже, чем выглядела на мониторе, вес килограммов пятьдесят. После двадцати пяти лет работы кастинг-директором я могла с первого взгляда определить вес женщины, плюс-минус то, что она съела на завтрак. У нее было атлетическое, но женственное телосложение, стройные бедра и упругая задница – если б я еще работала, то могла бы одним звонком устроить ее в рекламу спортивной одежды. У нее было хорошо сбалансированное лицо с пухлыми губами и слегка вздернутым носом. Светлую кожу усеивали мелкие веснушки. Ирландка? Скандинавка? Скорее всего западноевропейские предки. Темно-каштановые волосы до плеч явно стоило уложить получше, но они были волнистыми и блестящими. Хорошая осанка и слегка вывернутые наружу ступни говорили о том, что она танцовщица. Меня восхитило, что она не побоялась прийти одна. Мой дом пугает даже без выстрелов.

– Здравствуйте, – поздоровался Нейтан с похожей на нимфу гостьей. – Брандо в другой комнате, с моей тетей. Не хотите войти? Думаю, она хочет извиниться.

Я задумалась, как поступила бы, если б посреди ночи меня пригласил к себе домой незнакомый мужчина. Я была смелой, но не дурой. Отважится ли она войти?

– Как это любезно, – начала она, – но я и так злоупотребила вашим гостеприимством.

Услышав ее голос, пес наострил уши, а спустя секунду поскакал к ней. Она широко улыбнулась и опустилась на колени, чтобы поприветствовать его, а я заметила на фарфоровых щеках намек на ямочки.

– Брандо! – промурлыкала она, взяв его за холку. – Не вздумай больше так убежать!

Она почесала пса за ушами, а потом пристегнула поводок и встала.

– Простите за беспокойство, – извинилась она. Я решила, что с этими словами она уйдет, но удивилась, когда она добавила: – У вас потрясающий дом. Никогда не видела ничего подобного. Экзотическая орхидея на поле с маргаритками.

Теперь уже я наострила уши.

– Спасибо, – сказал Нейтан, – но я здесь не живу. Это дом моей тети Луизы.

При упоминании моего имени я вышла туда, где она могла меня увидеть.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла она. – Простите за вторжение. И вуайеризм. Но я зачарована вашим домом.

Экзотическая орхидея? Вуайеризм? Зачарована? Что за утонченное существо в лайкре стоит в моей прихожей?

– Благодарю, – сказала я. Нейтан покосился на меня, и я нехотя выполнила обещание. – Я осознаю, что этим вечером немного переусердствовала. Я живу одна, надеюсь, вы понимаете.

Не вполне извинения, но Нейтан вроде бы остался доволен.

– Я прокралась во двор как безумный убийца! – ответила она. – Ваша реакция вполне объяснима.

Утонченная и грациозная. Она нравилась мне все больше и больше.

– Удивительное поместье, – добавила она. – Могу понять ваше стремление его уберечь.

И тогда я сказала то, что удивило даже меня саму:

– Хотите посмотреть дом?

Нейтан украдкой бросил на меня удивленный взгляд, но я не обратила на него внимания. Я гордилась своим домом, и мне нравилось, когда его высоко оценивали. Почему бы его не показать?

Гостя ответила без колебаний:

– С превеликим удовольствием!

– Полагаю, тогда стоит представиться. Я Луиза Лейк Джордж, а это мой племянник Нейтан Лейк.

– Приятно познакомиться с вами обоими, Эшли Брукс.

Она склонила голову как особа королевских кровей, и меня это ничуть не смутило.

– Приятно познакомиться, Эшли. – Нейтан протянул руку.

Я с удивлением заметила, как от прикосновения зардели их щеки.

Боже, неужели она ему нравится? Какая заманчивая мысль. Я отметила ее ухоженные брови и искусно подкрученные ресницы и задумалась, считает ли она себя красивой. Я положила начало карьере нескольких самых востребованных актрис в мире, настолько роскошных, что на их фоне любая будет выглядеть настолько же привлекательной, как старая тряпичная кукла. И ни одна из них не считала себя красивой, даже получая миллион долларов только за то, что стояла рядом с флаконом духов и улыбалась. Я пришла к мысли, что красота – скорее проклятие, чем благословение. Гадкий утенок учится любить себя, глядя внутрь. Но красивая девушка рождена для обожания. Никто не считает нужным учить красивых девушек любить себя, поэтому большинство из них так этому и не научились.

У моей дочери потрясающая внешность – сине-зеленые глаза, идеальный овал лица в форме сердца, медно-рыжие волосы цвета залитой солнцем пустыни. Но я никогда не хвалила внешность Винни. Потому что, если девушка ожидает комплименты, она забывает, как обходиться без них.

– Нейтан, почему бы тебе не устроить экскурсию? – предложила я. – Пока заваривается чай.

– Конечно, – с натушной улыбкой ответил он.

– Я могу оставить Брандо с вами? – спросила девушка, протягивая мне поводок.

– Конечно, – согласилась я.

Раз в неделю ко мне приходила уборщица, но не хотелось, чтобы она целый день пылесосила из-за собачьей шерсти. Я обрадовалась, что пес не стал сопротивляться, когда поводок перешел из рук в руки.

– Почему бы не начать со столовой? – предложил Нейтан, показывая дорогу.

– Иду.

Она грациозно кивнула мне и сняла кроссовки, хотя ее никто об этом не просил. Когда девушка, широко улыбаясь, поспешила за Нейтаном, я подумала, что, возможно, только возможно, в мой дом только что вошел человек, который сделает то, чего не смог Нейтан.

Глава 9. Эшли

Экзотическая орхидея? Зачарована? С превеликим удовольствием? Боже мой, когда я превратилась в героиню романа викторианской эпохи?

Когда я нервничаю, то становлюсь непредсказуемой. Я как будто перестаю доверять собственному голосу и превращаюсь в кого-то другого – персонажа из книги, фильма или телепрограммы. На работе экскурсоводом я часто перевоплощаюсь в гламурную ведущую телеигры («Ну же, спускайтесь!») или начинающего стендап-комика («Как у вас дела сегодня вечером?»). Иногда на втором этаже автобуса под открытым небом я становилась Джеймсом Кирком со звездолета «Энтерпрайз»³ («Говорит ваш капитан!») – кем угодно, только не самой собой. Сегодня я, очевидно, была главной героиней романа Джейн Остен «Эмма». Считается, что актеры от природы общительны, но многие из нас выбирают эту профессию, чтобы исчезнуть. Когда я вхожу в образ, тревоги отступают, потому что люди не могут меня осудить, если я – кто-то другой.

Тем вечером я страшно нервничала. Не потому, что потеряла собаку, не потому, что в меня стреляли или из-за того, что семь лет пыталась держаться от этого странного дома подальше и вдруг оказалась внутри. И даже не из-за того, что предложила себя мужчине, которому от меня нужна лишь половина арендной платы. Нет, я нервничала из-за *него*.

– Тетя Луиза живет здесь уже тридцать лет, – начал мужчина, когда мы пошли по коридору со стенами из красного бархата. – Но дом построили в 1950-е. Когда тетя с дядей его купили, он был весьма потрепанным.

Он болтал что-то об архитекторе, поэтажном плане, мебели. Его голос растекался по моей коже, как теплая патока, согревая в тех местах, которые уже долгое время были холодными. Я не из тех, кто падает в обморок от мужчины только потому, что он красив. Я каждый день встречала красивых мужчин благодаря своей (желаемой) профессии – среди актеров Лос-Анджелеса их было полно. Но этот мужчина, с неровной улыбкой и такими глубокими ямочками, что из них можно пить виски, был как будто из другого мира. Слушать его – все равно что скользить на лыжах по свежему снегу – так легко и волнующе, до мурашек.

– Вы, видимо, живете поблизости? – спросил он, включая свет в идеальной маленькой ванной с раковиной на ножке и унитазом, который смывают, дернув за цепочку.

А потом встретился со мной взглядом, и на мгновение у меня перехватило дыхание. Сердце бешено колотилось, я чувствовала такую легкость, будто вот-вот взлечу.

– Разумеется, – ответила я по-джейнстиновски. – Прямо за углом.

Он улыбнулся, и я почувствовала, как заалели мои щеки. Он знает, как на меня действует? Если б я была хорошей актрисой, то могла бы это скрыть, но талант снова меня подвел.

– Здесь чудесный район, – произнес он.

Я не доверяла своему языку и предпочла просто кивнуть. Я и раньше влюблялась в ведущих певцов, кинозвезд и даже в пару партнеров по сцене, но мои чувства при первом же взгляде на Нейтана были как из поэмы Уолта Уитмена (Незнакомый прохожий! ты и не знаешь, как жадно я смотрю на тебя...)⁴. Я снова и снова мысленно повторяла его имя. Нейтан, Нейтан, Нейта-а-а-ан. Я никогда раньше не встречала Нейтана. Мне пришло в голову, что отныне это имя навсегда будет ассоциироваться с невыносимо идеальным мужчиной. Интересно, а как называют его друзья? Нейт? Быть может, однажды так назову его и я... Я всегда думала, что любовь с первого взгляда – это миф, но в этот вечер уверовала в нее.

³ Джеймс Кирк – персонаж фильмов и сериалов «Звездный путь», адмирал Звездного флота и капитан звездолета «Энтерпрайз».

⁴ «Листья травы», из цикла «Аир благовонный», стихотворение «Незнакомому» (Пер. К. Чуковского).

Пока заряженные ионы, исходящие от современного мистера Дарси, щекотали мне кожу, я думала о том, что побудило меня всего несколько минут назад фактически сделать Джордану предложение. Я знала, что у людей бывает навязчивое желание завести детей – большинство моих друзей этим страдают. Может, у меня просто навязчивое желание выйти замуж? Неужели я такого плохого о себе мнения, что не считаю себя достойной большой любви? Я не знала, почему пыталась заставить Джордана жениться на мне, просто радовалась, что он не сказал «да».

Мужчина моей мечты провел меня через роскошную столовую с аляповатой кованой люстрой в музыкальную комнату со сверкающим роялем из красного дерева.

– Сын и дочь Луизы играли на фортепиано, – пояснил он. – Мы слушали в этой комнате много концертов.

– Как чудесно! – воскликнула я.

– Если честно, это было ужасно, – прошептал он. – Они оба играли отвратительно.

Нейтан заговорщицки улыбнулся, и мое сердце заколотилось так, что отдавалось в ушах. Я пошла за ним мимо полок с нотами через стеклянные двери в уютную библиотеку, обрамленную шкафами с книгами. Она была настолько старомодна – с тяжелыми шторами в цветочек и стеклами с фаской, – что я как будто попала в детективную игру. Я почти ожидала увидеть у окна доктора Ватсона и Шерлока Холмса с трубкой в зубах.

Мы свернули в очередной коридор, прошли мимо «тайной» лестницы и остановились у двойных дверей.

– И наконец, кабинет Луизы.

Он толкнул двери, и мы оказались в комнате странной формы, со скошенным потолком и сиденьем на подоконнике. По центру дальней стены стоял антикварный письменный стол с лампой от Тиффани, разноцветной и головокружительной, как калейдоскоп. Над столом висел коллаж из фотографий в рамке: кадры со съемок, снимки с красной дорожки и фотографии актеров 80-х и 90-х годов с автографами.

– Боже мой, – пробормотала я, остановив взгляд на двух потрясающих блондинках в черных платьях и туфлях на шпильках. – Это ваша тетя и Барбара Стрейзанд?

– Ага. «Золотой глобус», кажется. Тетя когда-то была большой шишкой.

Это уж точно. За несколько лет я сделала пару селфи с «тем парнем из сериала», но ни разу с такой знаменитостью, как Барбара Стрейзанд. И я вдруг задумалась, кто из них интригует больше – мой сексуальный гид или хозяйка дома, которая на короткой ноге со знаменитостями.

Я решила, что мы вернемся тем же путем, каким пришли, но в голубых глазах Нейтана внезапно вспыхнул огонек.

– Хотите увидеть тайный проход к кухне?

Я кивнула, поскольку согласилась бы на любое его предложение, и он повел меня к узкому книжному шкафу у дальней стены.

– Нажмите на Библию, – попросил он, я подчинилась, и через секунду стена открылась, а за ней показалась крутая и узкая лестница. Через пять коротких ступеней мы оказались в кладовке, в окружении консервов и солений.

– Ух ты! – восхитилась я. – Такого я не ожидала!

– Этот дом полон сюрпризов.

Нейтан подмигнул, снова вызвав у меня мурашки, и повел меня через кухню со сверкающими деревянными полами и шкафчиками обратно в гостиную, где ждали Луиза и Брандо.

– Ну вот, мы и вернулись туда, откуда начали, – объявил Нейтан.

Он улыбнулся, а мне пришлось уцепиться за пол пальцами ног, чтобы не упасть.

– Спасибо, что позволили посмотреть ваш чудесный дом, – обратилась я к хозяйке. – Из всех комнат мне больше всего понравилась библиотека.

Я почувствовала на себе взгляд Нейтана. Дыши, Эшли, дыши.

Луиза улыбнулась:

– Как и мне.

– Хотя кабинет тоже производит впечатление, – добавила я. – Вы с Барбарой похожи, как сестры!

Я не пыталась ей польстить. С ее высокими скулами и синими глазами она запросто могла бы быть седовласой сестрой-близнецом мисс Стрейзанд.

– Мы с ней часто веселились вместе.

– Она – мой кумир, – выпалила я. – Премия Пибоди, «Эмми», «Грэмми», «Оскар», «Тони» – всего три человека выиграли все, и она в их числе! Я всегда мечтала с ней встретиться, но, боюсь, при встрече сразу же расплачусь.

Господи, Эшли, да заткнись ты! Почему я никогда не могу выбрать роль без слов?

– Да? – удивилась хозяйка.

И я продолжила болтать.

– Я актриса, – объяснила я. – Пытаюсь быть актрисой. Конечно, я уже снималась. Меня часто спрашивают, где же могли меня видеть, и я не знаю, что ответить. Потому что снималась не много.

Ох. Какая-то запинаящаяся идиотка. Где же Эмма, когда она так мне нужна?

– Актриса, просто чудесно! А я двадцать пять лет занималась подбором актеров, – сказала Луиза, и мое сердце воспарило ракетой. Кастинг-директора для меня – все равно что маги, всемогущие Демогоргоны⁵, обладающие суперспособностью превращать заурядных мечтателей в сверкающих избранных.

– Невероятно! – воскликнула я.

Конечно, я встречала кучу кастинг-директоров, но всегда находилась по другую сторону стола.

– Я на пенсии, но держу нос по ветру, – сказала она, и я поняла, что моя жизнь вот-вот изменится.

Это было так обнадеживающе, будто солнце выглянуло из-за тучи. Одно из основных требований к актерской профессии – быть глупым оптимистом. Разумеется, именно на это и рассчитывала Луиза.

⁵ Демогоргон – персонаж из сериала «Очень странные дела», представляет собой хищное человекоподобное существо, возникшее из параллельного измерения.

Глава 10. Луиза

Стоило ей произнести слово «актриса», и я тут же задумалась о нужной роли. Конечно, я много раз представляла себе этот момент: выражение их лиц, обвинения и вражда, которые последуют в дальнейшем. В одно мгновение семья увидит, кто на самом деле злодей, и это буду не я.

– Ты уже давно не занималась актерами, – вмешался племянник. – За это время многое изменилось.

– Что ты в этом понимаешь! Ты же имеешь дело с недвижимостью, – укорила его я. – А я по-прежнему поддерживаю отношения с продюсерами и режиссерами, – заявила я, имея в виду, что до сих пор обладаю влиянием и понимаю, что к чему.

Сказать по правде, после выхода на пенсию семь лет назад я не разговаривала ни с продюсерами, ни с режиссерами. Но до сих пор знаю, как с ними говорить, а для моих целей тем вечером этого было достаточно.

– Я была бы вам так благодарна за любой совет! – с чувством воскликнула девушка.

И я воспользовалась ее просьбой.

– С удовольствием его дам. Как насчет чая?

Чайник еще стоял на столе, жаль было бы его не выпить, как и не воспользоваться этой завораживающей возможностью. Не каждый день на пороге появляется неудачливая актриса как раз в тот момент, когда она нужна.

– Чудесно! – воскликнула она.

И впрямь чудесно.

– Мне пора, Луиза. – Нейтан наклонился, чтобы чмокнуть меня в щеку.

Я опасалась, что его уход заставит ее изменить решение, но, оказалось, моей бывшей профессии достаточно, чтобы убедить Эшли остаться.

– Может, разольете чай, пока я провожу племянника? – предложила я.

Я встала с дивана и проводила Нейтана до двери.

– Что ты вытворяешь? – прошипел он.

– В каком смысле?

– Ты даже не знаешь эту женщину.

– И ты боишься, что она отравит мой чай?

– Не знал, что ты хочешь завести новых друзей.

Конечно же, я не хотела, дело совсем в другом.

– У меня насчет нее чутье, – ответила я.

Вообще-то, я много чего чуяла в этой незнакомке. Во-первых, она амбициозна – ее акцент уроженки Среднего Запада говорил о том, что она далеко забралась ради мечты. Во-вторых, ей с трудом удастся найти работу актрисой – это не то чтобы озарение, всем им трудно, но она сама призналась. И в-третьих, она безумно влюбилась в моего племянника – она так явно краснела от каждого его взгляда, что это можно заметить даже из космоса. А все это вместе означало, как говорили в мое время, что «ягодка созрела».

– Только не обнадеживай ее, – предупредил Нейтан.

– И тебе хорошего вечера, – беспечно отозвалась я.

Я закрыла за ним дверь и вернулась обратно в гостиную. Зеленые глаза Эшли сверкнули при взгляде на меня.

– Расскажите о себе подробнее, – попросила я.

Я неплохо разбираюсь в людях, но хотела удостовериться, что она та самая, а для этого требовалось с ней поболтать.

– Я приехала из Висконсина, – начала она. – Семь лет назад.

Что ж, тут я угадала.

– А как родители отнеслись к вашему решению стать актрисой?

Интересно, поддерживают ли родители ее мечты всецело и безоговорочно, как ожидали от меня дети.

– Папа умер два года назад, – сказала она и добавила, хотя я и не спрашивала: – От сердечного приступа.

– Мои соболезнования.

Я не сказала ей, что сердечный приступ унес и моего мужа, и тоже преждевременно, и я понимаю, насколько такая потеря может изменить вкус к жизни.

– Но они с мамой меня поддерживали, – сказала она. – Пока я сама зарабатываю на жизнь.

Я подумала о собственных детях, как они отмахнулись от моего предложения взять на себя руководство агентством, когда я это предложила. Конечно, я сама виновата. С чего бы им зарабатывать на жизнь, если они уже наслаждаются плодами успешного бизнеса, не пошевелив и пальцем?

– Так вы занимаетесь актерской карьерой без финансовой помощи со стороны родителей? – поинтересовалась я, понимая, что это грубовато, даже для меня. Но у меня были причины задать этот вопрос.

– Я никогда не рассчитывала, что родители будут содержать меня после колледжа! – с долей гордости объявила она. – После выпуска мне разрешили две недели пожить дома бесплатно. После этого я жила самостоятельно.

Учитывая, что я вырастила двух детей, которые постоянно требовали, чтобы им покупали новые машины и дома, ее заявление прозвучало музыкой для моих ушей.

– И как продвигается ваша актерская карьера?

Я надеялась, что не очень хорошо.

– Я пропускаю кучу прослушиваний, потому что работаю днем.

– Ах, так у вас есть другая работа!

И снова я не ошиблась.

– Вообще-то, их несколько.

Вот и все, что мне было необходимо услышать. Я тут же приняла решение. Возможно, мне удалось бы убедить эту юную невинную особу поучаствовать в моем заговоре, но у меня имелся куда более надежный способ завлечь ее.

– Возможно, я смогу найти для вас роль, – сказала я, внезапно обрадовавшись, что Нейтана здесь нет и можно перейти сразу к делу. – Но вы должны пойти на прослушивание.

– Ох, ну конечно, я пойду! – заверила Эшли. – А что за роль?

Тут мне нужно было тщательно продумать ответ.

– Детективный сериал. Не самое престижное предложение, знаю. Но платят хорошо.

И последнее – чистая правда.

– Я готова на все!

Я постаралась не поморщиться от ее восторгов. Я тоже когда-то была такой же целеустремленной. В самом начале все кажется возможностью. А потом, с помощью упорного труда, каприза судьбы или того и другого вместе, ты оказываешься наверху, и вокруг тебя пустота, некуда двигаться дальше, разве что вниз. И ты цепляешься за то, чего добилась, поскольку знаешь, что в любой момент можешь этого лишиться из-за неудачного решения, недовольного клиента или болезни. Жизнь наверху полна страхов, и те, кто верил в тебя, теперь зависят от тебя и ждут, что ты останешься на высоте.

Но они не знают, что оставаться на вершине еще сложнее, чем до нее добраться. И хотя успех имеет массу плюсов – большой дом, роскошная машина, путешествия, – как только ты вкусишь «хорошей жизни», твоим постоянным спутником станет страх ее лишиться. Я зави-

довала своей новой знакомой, потому что она только на пути к вершине. В ее возрасте мои надежды и мечты уже давно сменились на беспощадный страх.

– Прослушивание было на прошлой неделе, – быстро нафантазировала я, – но, кажется, на роль так никого и не взяли. Я могла бы вас записать. Скажем, завтра?

Ее лицо озарила радость.

– Завтра я смогу!

В порыве безудержного оптимизма она даже не задалась вопросом, откуда давно вышедшая на пенсию женщина может знать об идущих прямо сейчас прослушиваниях. Разумеется, я и не знала. Но мы слышим то, что хотим услышать, и ее надежды сослужили мне хорошую службу.

– Не могу поверить в свою удачу, – зачарованно произнесла Эшли. – А я-то считала сегодняшний вечер катастрофой!

– Ваше вторжение было совершенно неожиданным, – сказала я, вспомнив, как перенервничала, увидев крадущуюся по моему заднему двору женщину. – Но это не значит, что стоит упускать такой шанс.

Я не суеверна, совсем наоборот. Просто увидела в этом происшествии возможность. А я не из тех, кто упускает возможности.

Я никогда не стремилась открыть кастинговое агентство. «Она оказалась в нужное время и в нужном месте», – говорил мой муж, когда я рассказывала историю о том, как у меня сломался зуб и я сидела в приемной стоматолога вместе с президентом «Уорнер бразерс» в тот день, когда уволился его помощник. Мой муж называл «неожиданной удачей», что глава отдела кастинга умер от передозировки, а для пяти уже утвержденных пилотов телесериалов нужны были актеры на главные роли, и босс попросил меня «помочь». «Счастливым случаем» называли и тот факт, что десять тысяч долларов за мое незаконное увольнение поступили в тот же день, когда предстояло внести залог за новый офис. Но я никогда не использовала слова «удача» или «совпадение». Я не верю в судьбу. В жизни всегда есть место неожиданности. С этим можно либо смириться, либо воспользоваться. Следовать так называемой «судьбе» – значит воспринимать неожиданные повороты не как препятствия, а как дорожные знаки, а потом идти туда, куда они указывают.

– Я верю в то, что все в жизни происходит не просто так, – энергично произнесла Эшли. – Думаю, в этом мы сходимся.

– Да, – просто ответила я.

Не было смысла поправлять ее, что я, вообще-то, не фаталистка. Ее появление на моем пороге было случайностью; возможность буквально постучалась ко мне, и я впустила ее, вот и все. Наверное, я ждала ее, хотя и не знала об этом до ее появления. Не имеет значения, пришла ли она в идеальное время, или я решила, что сейчас самое подходящее время. Она здесь, а это означало, что, как и ее отец и мой муж, теперь я тоже могу преждевременно умереть.

Часть 2. До. Нейтан и Джордан

Глава 11. Нейтан

– Ты не обязана готовить мне ужин, – сказал я тете, когда она вытащила из духовки две форели, посыпанные зеленью.

Тетя частенько бывала несносной, но прекрасно готовила, вероятно, потому, что надо же чем-то заманивать гостей. Знаю, говорить такое не слишком любезно, но вряд ли она станет это отрицать. Она никогда не умела быть «милой».

– Если я не буду для тебя готовить, то кто тогда?

Я знал, что она пытается меня поддеть, но не проглотил наживку. Луиза постоянно пилила меня, что мне пора завести подружку. Конечно, из добрых побуждений – тетя не хотела, чтобы я страдал от одиночества. Я не мог объяснить ей, почему не хожу на свидания, если хотел сохранить ее расположение.

За ужином мы поболтали о всяком. Она готовила лучшую в мире картошку с чесноком, с хрустящей корочкой снаружи и мягкую как бархат внутри, я всегда просил добавку, и все равно было мало. Как обычно, тетя Луиза расспрашивала о моем отце (своем брате). И мне стало ее жаль, потому что он никогда о ней не спрашивал.

После ужина были чай и печенье. Я жевал уже третье печенье, когда она наконец перешла к делу:

– Я собираюсь изменить завещание.

Я не понимал, зачем она мне об этом сообщает, и поэтому спросил:

– И ты просишь меня этим заняться?

Я был уверен, что у нее есть юрист по имуществу, но вдруг она с ним поругалась?

– Нет, ты не сможешь.

– Почему?

– Потому что я оставлю все тебе.

Это заявление застало меня врасплох, и я чуть не подавился печеньем.

– Прости. – Я схватил салфетку, чтобы смахнуть со стола крошки, которые вылетели у меня изо рта во время кашля. – Ты же знаешь, что я не могу позволить тебе так поступить.

Я знал, что Луиза злится на детей, считает, что они ее бросили. И понимал, почему она благоволит ко мне. Я сделал для нее больше, чем все остальные члены семьи, вместе взятые. После смерти отца Чарли и Винни были совершенно потеряны и о себе-то едва могли позаботиться, поэтому кто-то должен был держать за руку бедную вдову. Луиза была беспомощна. Она зарабатывала деньги, но муж занимался всем остальным – домом, инвестициями, полыл огород и менял перегоревшие лампочки.

Когда Чарльз умер, Луиза даже не знала, где лежит чековая книжка и в какой банк позвонить, чтобы заказать новую. Она нуждалась в помощи, нуждалась во мне. У мамы был отец, а у меня не было даже подруги (как мы уже выяснили), так что помощь Луизе заполнила дыру, которая могла меня поглотить. Я делал все, что она попросит, от обновления оперативной системы (телефона, компьютера, планшета, и все по новой) до прочистки засора в кухонной раковине. Она называла меня сыном, которого у нее никогда не было, и мне приятно было это слышать, но в то же время нет, потому что у нее был сын, только он не хотел иметь с ней ничего общего.

Я вроде бы должен испытывать восторг от того, что богатая тетя желает сделать меня своим наследником, но знал, что случится, если Луиза оставит деньги мне, а не детям. В нашей

семье начнутся «Голодные игры», каждый будет жаждать крови. Чарли и Винни обвинят меня в манипулировании, обмане, принуждении, даже в откровенном воровстве. К тому же отец ни за что этого не потерпит и заставит вернуть все двоюродным сестрам, пусть даже деньги никогда им не принадлежали.

Я уже собирался допить чай и пожелать Луизе спокойной ночи, но тут тетя резко встала.
– Я хочу кое-что тебе показать, – заявила она.

Она развернулась и скрылась за дверью. Я поставил чашку и последовал за Луизой в кабинет. Когда она вытащила из ящика стола тонкую папку и я увидел, что написано на обложке, у меня началась нервная дрожь.

– Я подписала ее: «Смерть Луизы», – сказала она, будто предчувствовала, что я не поверю своим глазам, и не ошиблась.

Тетя сунула папку мне в руку и жестом велела открыть. Внутри лежал документ, озаглавленный «Последняя воля Луизы», где подробно описывалось, как именно она хочет умереть: не нужно искусственно поддерживать в ней жизнь, похороны должны быть скромными, только для членов семьи, и никто не должен видеть ее тело. Чтобы все прошло по плану, она все заранее подготовила: гроб, договор с похоронным бюро, сценарий похорон, а за исполнением ее воли будет следить модный адвокат из Беверли-Хиллз. Визитка адвоката и все документы лежали в папке, а написанное вручную письмо ее детям приколото сбоку.

– Луиза, – сказал я, когда все тело покрылось мурашками, – зачем ты мне это показываешь?

– Я должна была показать ее тебе давным-давно, – пренебрежительно фыркнула она и выхватила папку из моих рук. – Она будет лежать вот здесь. – Тетя засунула папку между записями о ремонте автомобиля и счетами за кабельное телевидение.

Позже я корил себя за то, что не уловил, почему она заговорила о завещании и последней воле, но тогда был просто ошарашен.

Мы вернулись в столовую, чтобы вместе убрать со стола, а потом я выгнал ее из кухни и помыл посуду. Намыливая и ополаскивая ее шикарные антикварные тарелки, я пытался осмыслить, что только что произошло. Почему Луиза показала мне свою папку с предсмертной волей? С чего вдруг решила изменить завещание? Всерьез ли хотела сделать меня своим наследником? Или просто проверяла меня? Постыдно, что Чарли и Винни отвернулись от матери, но я не мог украсть у них наследство. Если они вели себя плохо, это не значит, что я тоже должен так поступать.

Я размышлял о том, что сказал бы, если б она попыталась навязать свою волю. Если она не хочет, чтобы дети получили все, самым логичным решением было бы разделить состояние – оставить часть Винни и Чарли, часть мне и моим братьям и сестрам. Но я понимал, что она на это не пойдет; цель явно заключалась не в компромиссе, а в наказании. Я не знал, чем дети Луизы заслужили такое суровое наказание, но догадывался – и, как оказалось, правильно, – что отказ ее навещать был лишь верхушкой айсберга.

Луиза сама занималась финансовыми вопросами, но время от времени я просматривал ее счета – убедиться, что они в безопасности и она по-прежнему получает доход с инвестиций. Поэтому я знал, сколько денег поставлено на карту – более десяти миллионов долларов. Конечно, Луиза была жива, поэтому все эти разговоры о завещании и предсмертных желаниях – просто пустой звук. В ближайшее время никто не разбогатеет. Так я думал.

Луиза не говорила о своей болезни, и я не знал, насколько все серьезно. У нее вроде бы ничего не болело, но она так ослабла, что уже почти не выходила из дома. Дважды в неделю к ней приходила медсестра – я видел аннулированный чек на триста долларов для Сильвии Эрнандес, медсестры. Мне было любопытно, чем занимается медсестра во время своих визитов, но поскольку это не мое дело, я не спрашивал.

Я вытер последнюю тарелку, повесил истрепанное льняное полотенце на дверцу духовки и вошел в гостиную, чтобы поблагодарить хозяйку. Когда я увидел, что она задремала на жутко неудобном диване с высокой спинкой, у меня защемило сердце. Конечно, она бывала несносной, но кто бы не стал таким на ее месте? Когда-то она была магнатом, завсегдаем модных тусовок, стояла на вершине. А теперь превратилась в больную старуху, которая даже не может не заснуть, перед тем как попрощаться с гостем. Предупреждающий знак? Или просто трудная неделя?

Позже я пожалел, что не потрудился это выяснить.

Глава 12. Джордан

Когда Эшли вернулась с прогулки без пса, я сразу понял – что-то стряслось.

– Эшли! Что случилось? Где Брандо?

– Ох, Джордан, что я натворила!

Она буквально рухнула на стул, и я присел на корточках перед ней.

– Вдохни поглубже и расскажи, что случилось, – попросил я, хотя все и так понял. Она отпустила Брандо с поводка, и он побежал, потому что «должен же он тоже повеселиться», только на этот раз убежал слишком далеко.

– Я всего на минутку спустила его с поводка!

Я предупреждал ее, чтобы не отпускала собаку в темноте, да и вообще в любое время суток. У нас уже было много тревожных звоночков: Брандо чуть не попал под грузовик, стремглав пересек Бульвар в час пик и наткнулся на питбуля вдвое больше размером. И это только те случаи, которые я видел собственными глазами. Но я подавил желание сказать: «Я же тебе говорил».

– Я только переоденусь, и мы его поищем, хорошо?

Я едва успел встать, как зазвонил ее телефон.

– Алло?.. Да! Да, это я! Он у вас?.. Буду через несколько минут!

– Кто-то его нашел?

Она кивнула, а потом снова расплакалась (но теперь от радости). Люди так же часто плачут от облегчения («Ваш муж поправится»), как и от горя («Мне жаль, но спасти его не удалось»). Я шутил, что именно по этой причине не пошел в отделение неотложной помощи – слишком много слез. Я научился сохранять спокойствие и собранность, когда незнакомец захлебывался в рыданиях, но с Эшли все по-другому. Я чувствовал ее боль так же остро, как сломанную кость. Наверное, именно так я и понял, что люблю ее.

Я не раз видел Эшли с разбитым сердцем – после того как прекратила существование ее театральная труппа, когда она не получила большую роль, для которой «создана», и после самой большой трагедии, когда умер ее отец. Она всегда извинялась, что «залила меня слезами», но я не возражал. Мне нравилось быть рядом, утешать ее, если жизнь подкинула проблем.

– Ты цела, он цел, – успокоил я, притянув ее в объятия.

За долгие годы мы много раз обнимались, и у меня не было причин считать, что сейчас что-то изменилось. Пока она не заговорила о нашем уговоре:

– Джордан... Ты помнишь наше соглашение? Насчет тридцатилетия?

Нет, нет-нет-нет! К этому я не был готов.

– Мы заключили соглашение? – тупо ответил я, надеясь, что она поверит в мое притворное замешательство.

Конечно, я не забыл о соглашении. Я вспомнил ее точные слова («Давай будем друг для друга запасными супругами!») и как она рассмеялась, когда я сказал: «Ладно». Вспомнил и поцелуй. И как мне пришлось сдерживаться, чтобы он не перерос в нечто большее, потому что я хотел ее, но не после трех рюмок текилы и всего выпитого. Если уж заниматься сексом, то на трезвую голову.

– Ну, не совсем соглашение, – сдала назад она. – Просто ты всегда рядом. И мне это нравится. И может, ну... что, если так будет всегда? Именно об этом мы и говорили.

Я сталкивался с разными пугающими ситуациями: проигрывал одно очко за пять секунд до конца матча, делал свой первый надрез не на трупке, говорил молодому и полному надежд диабетика, что не получится спасти его палец, ступню, ногу... Но ничто так не пугало меня, как Эшли, говорящая, что хочет выполнить уговор.

– Брандо ждет. Пойду переоденусь.

Я оттолкнул ее не потому, что не хотел выполнить уговор. А потому, что именно этого и хотел. Но не так. Как я отступил после того поцелуя, потому что хотел для Эшли большего, чем секс по пьяни, о котором она может пожалеть, в точности так же я уклонился от ее вопроса о браке, потому что хотел для нее большего, чем непримечательное предложение, которое ей пришлось делать самой. Счастливчикам делают только одно предложение за всю жизнь. Не стоит довольствоваться тем, которое проскользнуло невзначай.

Я знал, как обручились родители. Достаточно того, что я родился через четыре месяца после свадьбы. Мама всегда отрицала, что это был брак по необходимости, но я видел ее взгляд, когда подруги рассказывали, как им сделали предложение на вершине горы, о бархатных коробочках и шампанском, спрятанных в деревьях. А ее просто спросили: «Да? И что будем делать?» Я не хотел обручаться под тусклым флуоресцентным светом на кухне с мебелью из 70-х. Я тоже хотел забраться на горную вершину.

Почти все наши школьные друзья из Висконсина уже были женаты. Моя лента в Фейсбуке⁶ состояла из сплошного потока обручальных колец и объявлений о свадьбе. Я просматривал фото с «белых вечеринок» в роскошных отелях и «гавайских вечеринок» на озере. Незнакомые люди становились родственниками, две семьи сливались в одну. Защитник из нашей футбольной команды только что заказал футболки с надписью «Она сказала да», и наши бывшие товарищи по команде надели их на его мальчишнике. По стандартам Среднего Запада, мы с Эшли далеко отстали: старый, просроченный, почти испорченный товар.

Здесь, в Лос-Анджелесе, нет ничего удивительного в том, чтобы оставаться холостым в тридцать, а то и в сорок. Местные ловили возможности, и я не имею в виду ничего плохого, мы ведь и сами приехали сюда за этим. Но такой образ жизни сказывался и на всем остальном. Мы как будто держались до последнего на всех фронтах – а вдруг появится что-то (или кто-то) получше.

И я некоторое время цеплялся за эти возможности. Мне хотелось узнать, почему «Бич бойз»⁷ мечтали, чтобы все девушки были из Калифорнии, поэтому я и пытался перезнакомиться со всеми. Но через семь лет свиданий понял, что самая лучшая возможность всегда спала в соседней комнате.

Я повернулся к соседке спиной. Мне не хотелось видеть ее лицо. И совсем не хотелось, чтобы она увидела панику на моем. Заключая то соглашение, мы были пьяны, но это не значит, что я не готов его выполнить.

– Не нужно, – сказала она. – Я сама за ним схожу.

Я слышал в голосе Эшли разочарование. Я не хотел ее обидеть, просто ждал подходящего момента для нашей горной вершины.

И теперь я знал, что пьяное обещание не было шуткой, поэтому обязательно дождусь.

⁶ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

⁷ «Бич бойз» – американская рок-группа, основанная в 1960-е гг.

Глава 13. Нейтан

Я почти добрался до поворота на шоссе, как зазвонил телефон. И вдруг звонок резко прервался. Я посмотрел, кто это был: Луиза. Я нажал «перезвонить», но включился автоответчик. На светофоре горел зеленый, и я остановился на обочине, чтобы попробовать еще раз. Опять автоответчик.

Дома меня никто не ждал, за исключением пива и игры по телевизору, как каждый вечер. Если я не проверю, в чем дело, то буду терзаться от неизвестности. Я не страдаю от тревожности, но частенько касаюсь утюга, чтобы еще раз проверить, выключен ли он, несколько раз хлопаю по карманам, не забыл ли ключи, бумажник и телефон. К тому же все эти разговоры о завещании и смерти немного меня встревожили.

Поэтому при первой же возможности я развернулся и поехал обратно к Луизе – мимо «Данкин донатс», бургерной, заправки и целых двух «Старбаксов». В этом районе до боли скучно и серо, и на удивление много суши-баров и маникюрных салонов. Однако стоит только пересечь бульвар Вентура и двинуться вверх по склону, как ты словно переносишься из пресного Канзаса в изумрудные леса страны Оз. Район Луизы был буквально оазисом в пустыне – желанным отдыхом от монотонности долины и песчаного, перенаселенного анклава Манхэттен-Бич, где обитал я.

Свернув в круто поднимающийся вверх тупиковый переулок, ведущий к дому Луизы, я выключил радио. Я никогда не встречал соседей Луизы, но если они такие же колючие, как она, лучше их не беспокоить. Подъездная дорога к тетиному дому выглядела ужасно неприветливо, но я уже давно бросил попытки убедить Луизу привести ее в порядок. Всю карьеру она любовалась на идеально ухоженные брови, наманикюренные ногти, а также сшитые лучшими портными платья и костюмы – может быть, ее привлекал контраст? Или просто нравилась колдовская атмосфера, которую излучал переулок, ведь она хотела, чтобы ее оставили в покое.

Шелестел лес, мимо которого я проезжал. Мне всегда казалось, что в подлеске что-то движется – лабиринт из палой листвы и ветвей служил идеальным убежищем для крыс, енотов и прочих грызунов. Но, подъехав к дому, я увидел только одного дикого зверя – Луизу. Она стояла на крыльце с револьвером над головой, как знаменитая Энни Оукли из шоу «Дикий Запад».

– О Господи, – пробормотал я, остановив машину.

Я подумывал даже поднять руки вверх на пути к Луизе, чтобы она не приняла меня за Буффало Билла.

– Тетя Луиза! Господи, что с тобой? Что случилось?

– Кто-то проник на территорию.

– Ради бога, скажи, что ты никого не пристрелила.

Я не из тех, кто умеет обращаться с оружием. Я все-таки адвокат, а не снайпер и убиваю словами, а не пулями.

– Не говори ерунды, – фыркнула она.

Судя по визгливым ноткам, тетя была взбудоражена.

Поэтому я предложил:

– Давай я сделаю чай.

Мне больше не хотелось чая, да и она тоже наверняка пить не станет, но это был способ заверить, что я останусь, пока она не успокоится. Иногда Луиза испытывала мое терпение, но я воспринимал ее как мать, даже больше, чем свою настоящую. У меня были хорошие отношения с мамой, но я старший из четырех детей, и, видимо, для меня ее ласки уже не хватало. Луиза начала названивать мне примерно в то же время, когда перестала мама. В отличие от тети,

я не жаловался на то, что меня отвергли, но мы оба понимали, как нас негласно сближает ощущение, что нас сочли нежеланными и недостойными.

Электрического чайника у Луизы не было, и я вскипятил воду по старинке, в пузатом черном чайнике на старой плите. Вытащил из сушилки еще влажные чашки, из которых мы недавно пили, и промокнул их изнутри льняным кухонным полотенцем, которое повесил на дверцу духовки всего несколько минут назад.

Я заварил ромашку, потому что она успокаивает, и принес в гостиную весь набор – чайник и фарфоровые чашки с блюдцами. Только я расставил чашки, как услышал странный звук. Как будто кто-то скреб пол под нашими ногами.

– Оставайся здесь. И не вздумай меня пристрелить!

Я зачем-то взял кочергу, которую сунула мне тетя, хотя все равно никого не сумел бы ударить, и вышел во двор.

Люди считают, будто в Лос-Анджелесе все времена года одинаковые, но хрустящий ковер листьев под ногами служил доказательством, что у нас есть осень, как в любом другом месте. Держась поблизости от дома, потому что именно так поступают проницательные люди, я обогнул его, пробираясь к заднему двору.

И на секунду остановился, прислушиваясь. Мне нравились ночные звуки: кваканье лягушек, стрекот сверчков, уханье совы вдали. Были близкие звуки, например шелест ветра в ветвях деревьев над головой, и более далекие, такие как скрип тормозов какого-то грузовика на бульваре. Я жил в кондоминиуме и слышал только ровный гул кондиционера, круглосуточно охлаждающего мою квартиру наверху. Я предпочел бы глубину и особенности леса, но в своей холостяцкой жизни и монотонной ночной музыке мог винить только себя и собственное неверное решение.

Стоя во дворе Луизы, я вспоминал тот звук, который мы слышали в гостиной. Легкий и резкий, как будто ногти (или когти) царапают сетку на двери. Я опустил взгляд на лаз в подпол... и увидел два смотрящих на меня больших карих глаза.

– Ну привет, привет. – Я отложил кочергу и присел, посмотрев в перепуганные глаза мохнатого незваного гостя. – Ты что, застрял?

Я отодвинул заслонку и достал бедолагу. Тот завилял лохматым хвостом. Прямо-таки комок шерсти и благодарности; он напомнил, что, помогая Луизе, я часто помогал и себе.

– Давай-ка пойдем в дом.

Хозяйка пса объявилась спустя десять минут. Уже по голосу в телефоне я понял, что она симпатичная, и не был разочарован. Из-под бейсболки струились густые каштановые волосы, а когда она улыбалась, то морщила нос, как крохотный аккордеон.

– Не хотите войти? – поинтересовался я не только потому, что Луиза заявила о желании извиниться.

– Я и так злоупотребила вашим гостеприимством.

Как только она заговорила, ее пес соскочил с дивана и бросился к ней, как мяч в ворота. От натиска она покачнулась, и на секунду я испугался, что девушка скатится с крыльца. Я чуть не протянул руку, чтобы ее схватить, но она восстановила равновесие, прежде чем я успел что-то предпринять.

Поначалу меня удивило, когда Луиза попросила показать госте дом. Но потом мне пришло в голову, что тетя почувствовала химию, проскакивающую между нами, как мячик в пинг-понге, и надеялась, что я наконец начну с кем-то встречаться. Нежданная гостья выглядела милой, но я не заслужил такую девушку и постарался, чтобы солировал только дом со своей эклектикой и лабиринтами.

Я показал ей ванную, столовую, любимую библиотеку тети, но гостья оживилась, только когда мы вошли в кабинет и ее взгляд упал на святилище Луизы.

– Это Барбра Стрейзанд?

– Да, – подтвердил я.

Кинозвезды не приводили меня в восторг – в конце концов, они обычные люди, я никогда не понимал, почему вокруг них поднимают столько шума. Судя по рассказам Луизы, большинство совершенно чокнутые, что неудивительно, ведь мы обращаемся с ними как с единокорыми.

Тур был бы неполным, не загляни мы в тайный проход к кладовке. Эшли предсказуемо задохнулась от восторга, когда мы протиснулись через книжный шкаф, который на самом деле был дверью.

– Чудесно! – воскликнула она, когда мы оказались в крохотной комнатке рядом с кухней, где Луиза хранила все известные человечеству консервы.

– Этот дом полон секретов, – подтвердил я.

Я не стал погружаться в более темные тайны, которые хранила эта крепость посреди леса, потому что пока сам их не знал.

– Ну вот, мы вернулись туда, откуда начали, – объявил я, проведя ее через кухню обратно к Луизе, которая ждала нас на диване с высокой спинкой в гостиной.

– Спасибо, что позволили посмотреть ваш чудесный дом.

Когда она назвала себя актрисой, я не удивился. Все признаки были в наличии – симпатичное личико, кипучая энергия и неутомимая любознательность. Конечно, в этом городе полно актрис. Однако реакция тети меня удивила.

– Я двадцать пять лет занималась подбором актеров и могла бы вам помочь!

В чем помочь?

– За то время, что ты на пенсии, многое изменилось, – напомнил я.

– Что ты в этом понимаешь! Ты же занимаешься недвижимостью!

Мне хотелось поправить ее, что на самом деле я штатный юрист фирмы, а не какой-то мелкий продавец, пытающийся втюхать просторные трехкомнатные квартиры с гаражами на две машины. Но какой смысл? Конечно, я хотел произвести впечатление на Эшли, как любой мужчина хочет произвести впечатление на красивую женщину, но не искал подружку и не был ее достоин.

– Как насчет чая? – спросила Луиза.

А потом призывно посмотрела на меня, потому что любой мужчина из плоти и крови с радостью согласился бы.

– Простите, но мне пора, – соврал я, хотя никуда не торопился, и направился к двери.

Я бы с удовольствием выпил чаю с красивой актрисой, любительницей собак, но прекрасно понимал, что не стоит позволять Луизе брать меня под свое крыло.

– Что ты вытворяешь? – спросил я тетю, когда она пошла меня провожать.

Желание подружиться с незнакомкой совершенно не в ее характере, и меня снова пробрали мурашки тревоги. Может, это проявления ранней деменции? Или я упускаю что-то важное?

– Ты боишься, что она отравит мой чай? – отозвалась тетя, и я почувствовал облегчение хотя бы в одном.

– Только не обнадеживай ее, – предупредил я.

Не знаю, но почему-то я встал на защиту этой девушки, хотя знал ее всего десять минут.

– И тебе хорошего вечера, – сказала Луиза.

Конечно, самая лучшая часть этого вечера уже закончилась.

Глава 14. Джордан

– Как, по-вашему, что важнее – размер или чистота? – уточнил я у ювелира, разглядывая кольца с бриллиантами на несметные суммы.

– Размер, – ответил тот. – И днем, и ночью, – подмигнул он.

Неуместный сексуальный подтекст вызывал у меня раздражение. Я понимал, что безумно делать предложение женщине, с которой у меня никогда не было секса, хотя это практически единственное, чего мы не делали. Мы жили вместе, ели вместе, путешествовали вместе. Я подвозил ее домой из аэропорта, а она меня. В тот первый год в Лос-Анджелесе, когда мы оба были на мели и не могли съездить домой на День благодарения, мы даже вместе приготовили индейку, только для нас двоих. Я занимался птицей, Эшли остальным – картофельным пюре, зеленой фасолью и пирогом из батата. Мы с ней были как семья. За семь лет я узнал о своей подруге детства и соседке по дому почти все, за исключением того, какая она в постели.

– Вы наметили себе ценовой диапазон? – спросил ювелир.

Я только что начал стажироваться в спортивной медицине и еще не выплатил удушающие долги за учебу, так что с деньгами у меня было туговато. Но через несколько месяцев я начну зарабатывать гораздо больше, и решил не скупиться. Кольцо должно олицетворять наше будущее, ведь именно в этом и заключается смысл. Я предложу ей строить будущее вместе. Невозможно поменять обручальное кольцо, когда будешь зарабатывать больше – если все пойдет так, как запланировано, Эшли будет носить его до конца жизни. Обручальное кольцо – это декларация намерений, обещание, наше заявление для всего мира. Я хотел, чтобы оно было смелым и оптимистичным. Потому что именно такова Эшли.

– Я хотел бы купить самое лучшее кольцо, какое вы можете предложить, – заявил я. – Но, боюсь, могу потратить не больше пяти тысяч.

Я не собирался провести половину воскресенья в поисках обручального кольца, но, зная, что мы с Эшли желаем одного, набрался смелости и решил действовать. Я не могу поверить, что она помнит о том уговоре. Мы были пьяны, когда пообещали стать друг для друга «запасными супругами». Я думал, она шутит. Думал, что и сам шучу.

– Может быть, оправу ореол? – спросил ювелир.

Я не знал, что это значит, и лишь пожал плечами.

– Вот как здесь – центральный камень не очень большой, но оправа скрадывает это впечатление, – объяснил он, вытаскивая кольцо из витрины.

Камень был не круглый, но и не квадратный. Я уже знал, что такая огранка называется «подушка», наверное, потому что по форме камень напоминает диванную подушку – прямоугольную, но с закругленными краями. Вокруг располагалось штук сто крошечных бриллиантов, плюс еще больше бриллиантов на ленте, которая разветвлялась, обхватывая камень с обеих сторон. Кольцо буквально искрилось. Я взглянул на ценник. На тысячу долларов больше, чем я собирался потратить, но выглядело оно так, будто стоит вдвое дороже.

Я быстро подсчитал в уме. Арендная плата за дом не поднимется еще три года и, учитывая, где он находится, вряд ли вообще увеличится в обозримом будущем. Свой пикап я купил за наличные, а значит, за машину платить не нужно. У меня остался долг за учебу, но теперь, получив постоянную работу, я могу его сократить. На работе я ходил в медицинской форме, так что модная одежда и обувь мне не нужны. И я не гурман, чаще всего обед состоит из сэндвича с индейкой, который я готовлю дома. Конечно, несколько безответственно потратить шесть тысяч на кольцо с бриллиантом, но разве делать предложение женщине, которую я даже не видел обнаженной, не безответственно?

– Ого! Выглядит так, будто из сказки.

– Вы знаете ее размер? – поинтересовался ювелир.

Я вытащил из кармана кусок проволоки. Эшли иногда носила кольцо на левом безымянном пальце. Мне не хотелось рисковать и брать его, но я проник в ее комнату и измерил кольцо, пока она была на работе. Проволока немного помялась, но как только ювелир натянул ее на мерный стержень, легла идеально.

– Пятый, – с улыбкой объявил ювелир.

– Это хорошо?

– Кольцо как раз пятого размера, – ответил он. – Таких маленьких у меня немного. Мне кажется, это...

Я закончил фразу вместо него:

– Это знак.

Мои представления о том, что я хочу видеть в партнерше, за годы поменялись. В двадцать с небольшим я влюблялся в девушек, которые выводили меня из равновесия, и я будто балансировал на краю пропасти. Меня возбуждала сама охота, и я не знал, когда девушка позвонит, да и позвонит ли вообще. Но ближе к тридцати понял, что не хочу жениться на той, от которой голова идет кругом. Я предпочел бы лучшего друга, ведь именно такой должна быть жена.

– Думаю, придется его купить, – сказал я, представив лицо Эшли, когда она увидит кольцо.

– Вы не пожалеете.

Когда ювелир упаковывал кольцо, на меня нахлынула волна дофамина. Я не испытывал такой эйфории с тех пор, как сделал трехочковый бросок, который принес нашей команде победу на чемпионате штата, а это было очень давно. Трудно будет дождаться ее дня рождения – терпение никогда не было моей сильной стороной. Конечно, я не знал, что к тому времени многое изменится, и ее вчерашние знакомые все испортят.

Глава 15. Нейтан

Проснувшись, я увидел на телефоне сообщение, которого давно боялся:

«Нужно встретиться».

Стояло солнечное воскресное утро, и я собирался сыграть в гольф с приятелями из юридической школы – занятие на целый день, а то и вечер, если включить последующую пьянку, которая, безусловно, лучшая часть всей игры.

«У меня гольф», – ответил я, хотя и знал, что ей плевать.

«Я могу только сегодня».

Точно, ей плевать.

Все случилось, как всегда происходят такого рода неприятности: слишком много свободного времени и слишком много выпивки. До этого мы несколько раз виделись, первый раз – на ее свадьбе, но это не самое неприятное. Меня влекли ее изгибы, пухлые губы и упругие икры, но она вышла за другого, так что я решил довольствоваться только видом.

В течение нескольких лет я встречал ее на разных сборищах – на дне рождения, концерте в парке, в зоопарке с ее мужем и маленьким сыном. А потом была эта поездка в горы, на лыжный курорт. Мы с ней оказались единственными, кто не катался, и долгие дни нам было нечем заняться, кроме как пялиться в окно и друг на друга.

Я твердил себе, что именно она сделала первый шаг, когда плеснула каплю виски в мой утренний кофе.

– Мы ведь в отпуске, – подмигнула она и сделала мне еще один кофе по-ирландски, только уже без кофе. Меня зацепило не то, как она подмигнула, а то, как провела языком по ободку чашки, когда сделала глоток, и на ее верхней губе остались взбитые сливки. Кажется, я сказал что-то невразумительное, вроде: «Нужна салфетка?» Вместо ответа она наклонилась ко мне, с перемазанными сливками губами, и сказала что-то абсурдное, вроде: «Ты будешь моей салфеткой».

Я понимал, что нужно немедленно уйти, надеть пальто и выйти на холод и снег. Но у меня не было машины. А на многие мили вокруг были только деревья и сосульки.

Я слишком перепугался, чтобы поцеловать ее (она ведь чужая жена!), поэтому нерешительно потянулся пальцем, и она обхватила его губами, как только он коснулся их. Ее подвижный язык решительно вознамерился меня соблазнить, и через несколько минут мы уже лежали обнаженными, сплетая руки и ноги.

А после я чувствовал себя полным дерьмом. Но это не помешало мне все повторить. Снова и снова. Каждый день в той проклятой поездке, иногда и дважды. Ведь я уже нарушил таинство брака, так какая разница, сколько раз мы будем этим заниматься, один или тысячу?

Я думал, когда мы упакуем куртки и я вернусь в свой город, а она в свой, все закончится, и мы больше никогда не будем об этом говорить. Но через несколько месяцев она начала писать мне. Сначала сообщения были сексуальными и игривыми («Мои взбитые сливки скучают», «Мечтаю о снежном дне», «Хочу каждый отпуск кататься на лыжах»). Но потом стали настойчивыми («Я умираю без тебя», «Не заставляй меня больше ждать!»). Я не поощрял этого, даже не отвечал, и считал, что она поймет намек. Мы жили далеко друг от друга, и я думал, что со временем все само собой разрешится. Пока дождливым субботним днем не получил тревожное сообщение, когда смотрел игру по телевизору («Я у твоей двери,пусти меня»).

Ее неожиданное появление испугало меня до чертиков, но я не мог оставить ее под дождем. И выпустил.

Я наскоро подготовил речь – мол, ты прекрасна, самая лучшая, но мы не можем... И все это было правдой. Но когда она вошла в квартиру, в одном плаще на голое тело и с красной помадой на губах, слова застряли в горле.

– Как тебе удалось улизнуть? – спросил я, пока она вытиралась после душа, и она ответила, что наврала о подруге с младенцем, которой нужно немного отвлечься.

– Возможно, ей понадобится много раз так отвлекаться, – сказала она, и я снова испугался.

Не то чтобы мне не нравился секс с ней, он был великолепен. Она была страстной, изобретательной и неутомимой. Но навсегда принадлежала другому. По крайней мере, я так думал.

– Я собираюсь от него уйти, – заявила она, накидывая плащ. – Дождись меня.

Я твердил себе, что не виноват, если муж ее не устраивает. Что именно она изменяет, а ее муж заслуживает лучшей участи, нежели жена, которая спит с другим, и ему же пойдет на пользу, если она его бросит. И хотя все это было так, но еще не значило, что мы поступаем хорошо. Каким-то образом где-то между ирландским кофе и той встречей в дождливый день она почувствовала ко мне роковое влечение. И в точности как в кино ничем хорошим это кончиться не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.